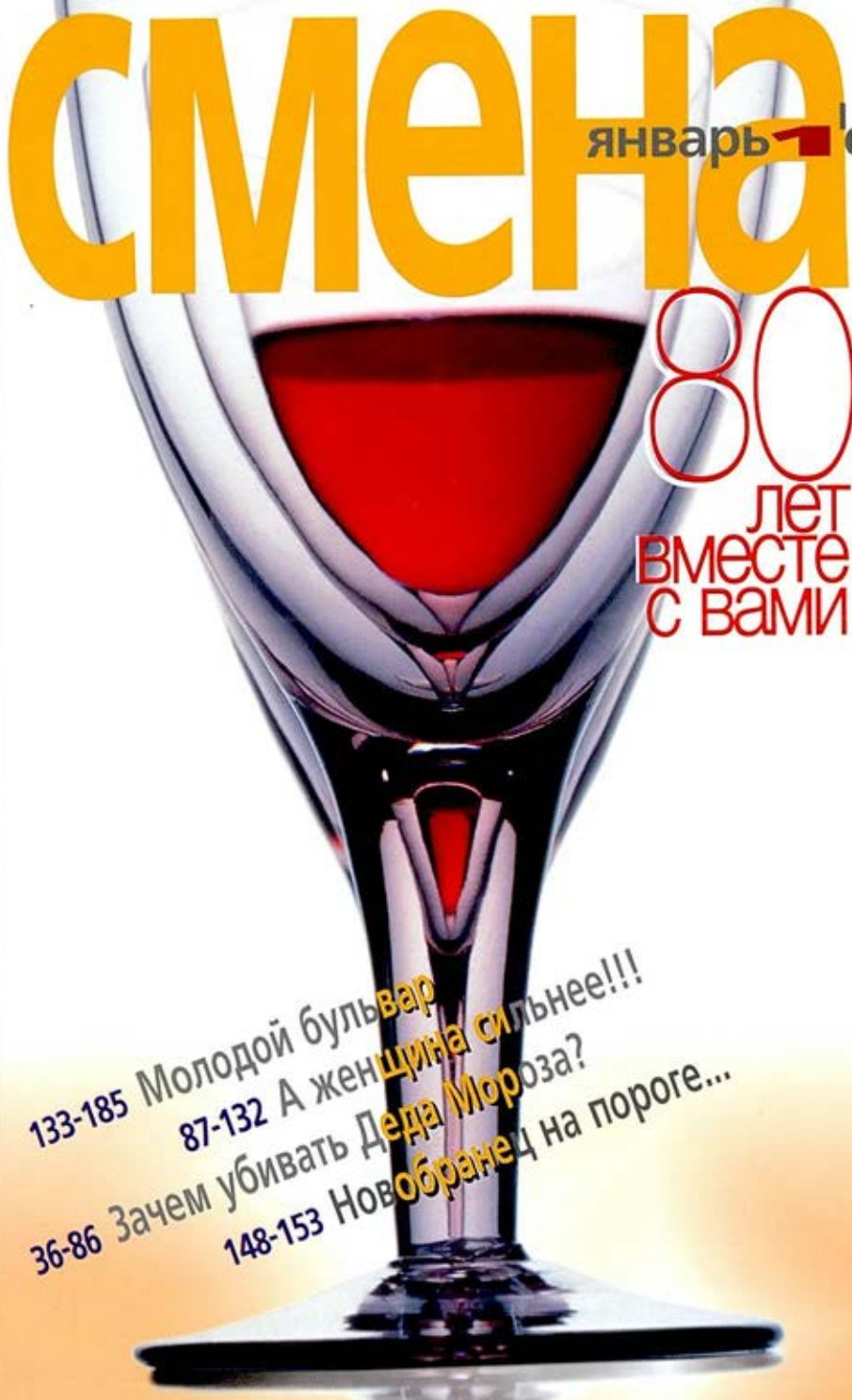

СМЕНА

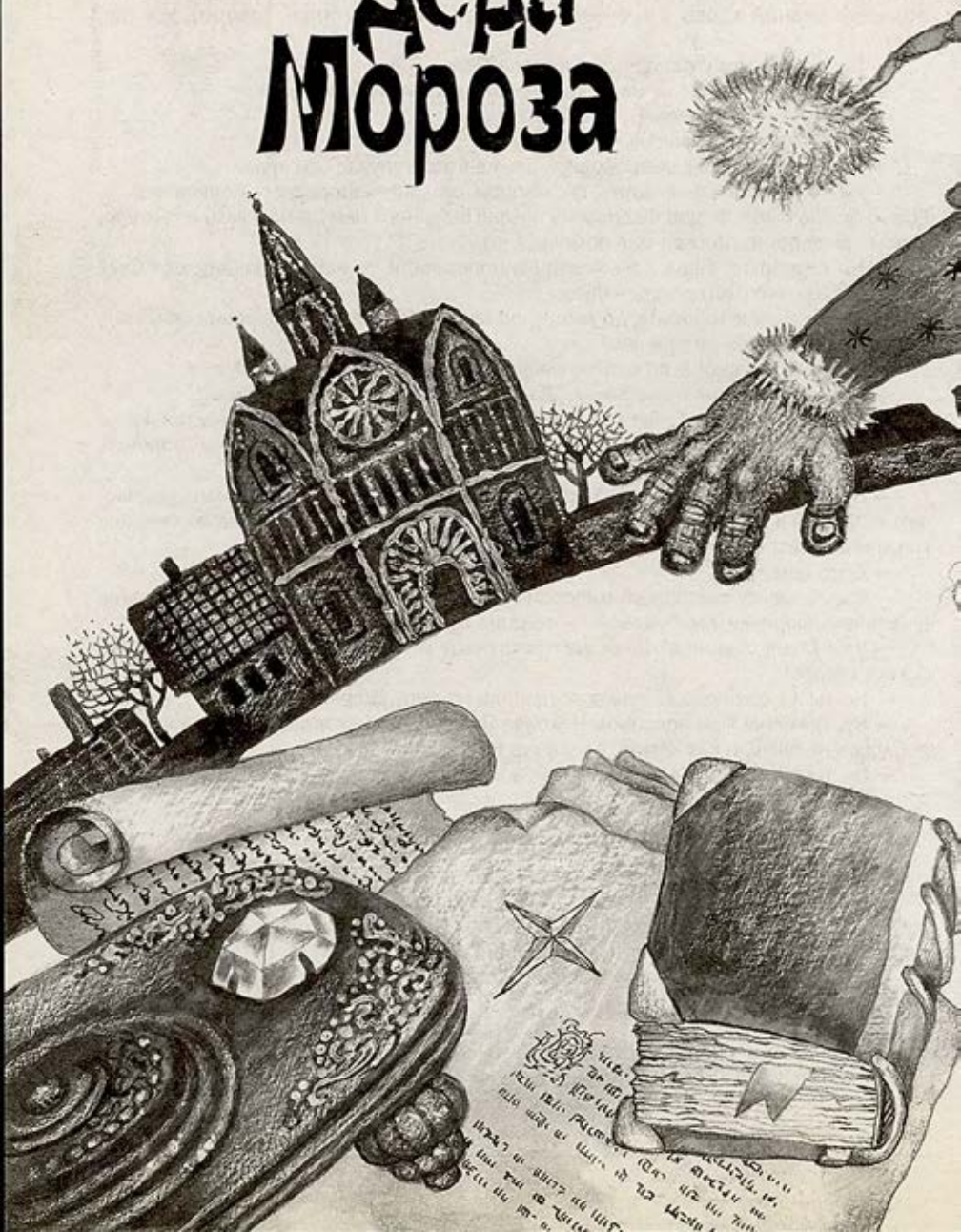
январь 2004

80
лет
вместе
с вами

133-185 Молодой бульвар
87-132 А женщина сильнее!!!
36-86 Зачем убивать Деда Мороза?
148-153 Новобранец на пороге...

Пьер ВЕРИ

убийство Деда Мороза

Глава I. Маркиз де Санта-Клаус

Аббат Жером Фюш, кюре Мортфона, местечка в департаменте Мёрт и Мо-зель, со вздохом облегчения поставил раку с мощами Святого Николая на стол в ризнице.

На небольшой площади толпились веселые взрослые и краснощекие дети. Карнавал заканчивался.

Святой Николай, небесный покровитель Лотарингии, снял разукрашенную тунику, митру, отклеил усы и бороду. Водрузив на нос очки, он окончательно превратился в знакомого всем и каждому ризничего по имени Блез Каппель и не спеша вошел в церковь.

Аббат Фюш, все еще находившийся в ризнице, неожиданно вздрогнул. В стенном шкафу, где хранились праздничные украшения священнослужителя, что-то зашуршало. Он поднес руку к груди. Сердце его и без того отчаянно билось: он страдал стенокардией, и любой малости хватало, чтобы страшно разволноваться. Но скоро аббат успокоился и сказал себе с улыбкой:

— Должно быть, это кошка.

Минутой позже, когда ризничий, наспех преклонив колени перед алтарем, вошел в ризницу, его охватило изумление: аббат Фюш растянулся на каменных плитах лицом вниз, с раскинутыми крестом руками. Блез Каппель, забыв обо всем на свете, бросился к нему.

Но тот, как выяснилось, не потерял сознания. Он ткнул дрожащим пальцем в распахнутый стенной шкаф, потом — в сторону узкой лестницы, которая вела наверх, и пролепетал:

— Незнакомец в маске... Он прятался в шкафу... А теперь побежал по лестнице...

Блез Каппель был человеком довольно хлипким с виду, но весьма отважным. Он сразу же вооружился каминными щипцами и бросился, перескакивая через ступеньки, наверх.

— Куда вы, куда вы, Каппель? — слабым голосом позвал аббат. — Не поднимайтесь! Сходите лучше за подкреплением!

Но ризничий уже исчез из виду. Сверху донесся его голос:

— Он не прыгал в окно!

Священник медленно поднялся и старался отдышаться.

— Поосторожнее там, Каппель! — крикнул он, как только смог говорить, и услышал, как затопали быстрые шаги, потом захлопали дверцы шкафа, и, наконец, донеслись обрывки фраз:

— Никого! Ой! Ой! Ну... Каким образом, черт...

Заинтригованный аббат решил подняться наверх сам и посмотреть, в чем там дело.

В просторном зале прямо над ризницей были три глубоких стенных шкафа. Блез Каппель открыл их и выбросил на пол содержимое. Теперь тут беспорядочной кучей валялись костюмы и реквизиты детских праздников: шуба, шапка и мешок Деда Мороза и зеленый костюм Деда с Розгами, персонажа, которым издавна пугают непослушных детишек.

Все три шкафа пусты. Под скамьями — никого. И за фисгармонией тоже.

Священник и ризничий высунулись из окна, но не увидели никаких следов.

Этот человек не мог выпрыгнуть в окно. Может, он вылез на крышу церкви, вскарабкавшись по стене? Нет, невозможно: стена гладкая, не за что зацепиться, наверху нет ни одного окошка, откуда можно было бы сбросить веревку...

Изумленные и растерянные служители церкви уставились друг на друга.

Аббат Фюш вернулся в ризницу и открыл сейф. Рака из гравированного серебра была прямоугольной формы, высотой двадцать сантиметров, шириной — пятнадцать, глубиной — десять. Исключительная ценность этой серебряной шкатулки объяснялась тем, что ее украшали два необычайных бриллианта: каждый весил около пятнадцати карат. Камни были прикреплены на противоположных сторонах раки золотыми лапками.

— Вы же видите, господин кюре! Оба бриллианта на местах! Ну, можно ли доводить себя до такого состояния? Подумайте, как это неразумно!

Вот уже десять лет Каппель работал в Мортфоне одновременно звонарем, церковным сторожем и певчим. Кроме того, он готовил пищу и вел хозяйство кюре. Все эти многочисленные обязанности, вынуждавшие его все время находиться рядом со священником, привели к тому, что он стал разговаривать с ним хотя и почтительным, но довольно фамильярным тоном, каким обычно говорят старые слуги.

— Пойду-ка приготовлю вам травяного чайку и накапаю туда спартеинчику...

— Хорошо, Каппель.

— А потом — сразу за доктором Рикоме!

Аббат Фюш вслед за Каппелем вошел в дом. Пока тот готовил на кухне свой чудодейственный напиток, он подошел к письменному столу, порылся в ящике и достал сложенный четверо листок бумаги.

— Послушайте, Каппель, я хочу сказать вам нечто очень важное. До сих пор я считал необходимым хранить тайну, потому что мой сан не позволяет повергать в смятение человеческий дух. Но теперь... Дело в том, что еще в прошлом месяце я получил анонимное письмо, которое чрезвычайно меня взволновало...

Каппель снял очки, хорошенько протер стекла, снова водрузил их на нос и принялся читать:

"Господин кюре!

Вы, конечно, знаете, что несколько лет назад был ограблен храм Святого Николая, находящийся в сорока километрах от вашего прихода. Хотя я и не имею права выдать вам источники информации, но все же хочу предупредить: теперь банда воров собирается грабить церкви нашего региона. Подписаться тоже не могу: моя жизнь в опасности".

— Я не знаю, кто это написал, но по почерку — явно мужская рука, — заметил ризничий.

На конверте стояла печать почтового отделения в Нанси.

— Сначала я подумал, что это всего лишь неудачная шутка, — немножко успокоившись, продолжал священник. — Но сегодняшнее событие доказывает: опасность вполне реальна. Больше всего меня беспокоит дьявольский способ, которым незнакомец в маске воспользовался, чтобы скрыться от нас.

— Может быть, стоит поставить в известность мэра?

— Ну да, конечно, чтобы он, в свою очередь, поставил в известность муниципальный совет! Даже если он не станет собирать совет, все равно скажет своей жене, а та — подружке, и, в конце концов, всю округу взбаламутят! Нет, нет, пожалуйста, никаких скандалов!..

— Хорошо, — согласился Каппель. — Тогда я посторожу.

— Вы храбрец, Каппель, но ни вы, ни я сам не способны выступить в роли часовых.

Зелье было готово.

— Выпейте, пока горячее, господин кюре, а я тем временем положу грелочку вам в постель...

Наконец священник улегся.

— Ограбление не удалось. Наверное, вор не посмеет явиться сегодня еще раз, — задумчиво проговорил Каппель.

— Каппель, я хорошенько поразмыслил над последними событиями и решил вот что, — перебил его аббат. — Я не имею права молчать после того, что произошло. Слишком уж велика ответственность. И подумайте: ведь приближается Рождество... Завтра же утром, после мессы, я поеду в Нанси: надо рассказать обо всем его преосвященству...

— Смотри-ка, не так уж глупо! — фамильярно ответил Каппель. — И уж во всяком случае, никому от этого не станет хуже!

Поздно вечером ризничий вышел из своего дома, задняя дверь которого открывалась в садик. Становилось все холоднее и холоднее, задул резкий ветер, земля застыла. Сначала крадучись, а потом все быстрее Каппель зашагал по полю. В одной руке у него был фонарь, в другой — кирка с короткой рукояткой. Он шел не меньше часа, пока не приблизился, наконец, к развалинам аббатства. По выщербленной лестнице спустился в сырой подвал. Здесь он зажег свой фонарь и принялся внимательно изучать стены, причем не только разглядывал покрытые плесенью камни, но ощупывал их пальцами и простукивал время от времени острием кирки. Каппель тяжело дышал, глаза его за толстыми стеклами очков сверкали. Этот человек с высоким белым пристегивающимся воротничком, в смешной круглой шляпе, сдвинутой назад, человек, выражение худого лица которого было отмечено странной смесью добродушия и лукавства, этот маленький человечек, пришедший в столь странное место в столь странное время, являл собою незаурядное зрелище. Продолжая обшаривать стены, он бормотал какие-то неразборчивые слова.

Внезапно Каппель отбросил кирку и топнул ногой. Потом поставил на землю фонарь, тяжело опустился на большой камень и застонал. Очевидно, на смену его экзальтации пришло полное отчаяние. Он помотал головой, сперва слева направо, потом справа налево, и замер.

Но такое состояние длилось недолго. Вскоре Каппель вскочил, вытащил из кармана куртки раздвоенную палочку, с какими ищут место для колодца, взял ее двумя руками, повернулся лицом к стене и принялся очень медленно обходить подвал по кругу.

Неделю спустя кто-то постучал в дверь скромной, окнами во двор, квартирки, что располагалась на первом этаже дома по улице Валуа, в Париже. На прикрепленной к двери медной дощечке были выгравированы слова:

ПРОСПЕР ЛЕПИК

защитник в судах города Парижа

Дверь открыл молодой человек. Он впустил гостя, провел его по темному коридору и предложил зайти в комнату, весьма прилично меблированную. Посреди стояли три кресла и большой письменный стол, заваленный толстенными папками. Вдоль стены помещалась внушительных размеров картотека с ящичками, обозначенными буквами от А до Z. В книжном шкафу выстроились надежно переплетенные солидные тома.

— Прошу вас, подождите секундочку, — попросил молодой человек, знаком предлагая гостю присесть. — Я секретарь мэтра Лепика. Сейчас извещу его о вашем приходе.

Он тихонько постучал в дверь, на которой была прикреплена весьма неожиданная для адвокатской конторы табличка: "Частное владение. Вход воспрещен".

Комната, в которую вошел секретарь, ничуть не походила на первую.

Из мебели — только две разложенных раскладушки с небранной постелью, пара табуреток с наваленной на них одеждой и чемодан, заменяющий платяной шкаф. Обои, из-за сырости отклеившиеся от стен, свисали лохмотьями. Ботинки вперемешку со шлепанцами толпились вокруг разломанного патефона. В уголке на полочке стояла портативная газовая плитка, видимо, взятая напрокат. Одна из горелок была зажжена. Закипевшая вода бурлила в кастрюльке. Под полочкой — гора невымытой посуды.

Мэтр Проспер Лепик, парижский адвокат, растянулся на спине поверх одеяла.

— Там священник! — прошептал секретарь.

— Ах, черт! Уже явился? — Лепик спрыгнул с койки, посмотрел на будильник, потом поднес часы к уху. — Ну конечно, стоят!.. Ладно, пусть подождет. Скажи ему, малыш Жюгонд, скажи ему, что я... Ага! Я совещаюсь с двумя коллегами!

Жюгонд вернулся в приемную.

— Мэтр Лепик просил меня передать вам его извинения, господин аббат. В данный момент он заканчивает в своем кабинете совещание с двумя коллегами, которые пришли к нему за советом: они изучают досье весьма деликатного свойства, дело, приводящее к бесконечным кассациям... Через четверть часа он сможет вас принять. Поверьте, мэтр Лепик очень, очень огорчен... К нему так неожиданно обратились...

— Пусть это его не беспокоит, — любезно откликнулся священнослужитель. — Я подожду.

Он вынул из кармана требник. Жюгонд уселся за стол и положил перед собой одну из многочисленных папок. А Лепик в своей комнате раздумывал о том, что его больше всего волновало в данный момент: "Чего ему надо, этому симпатяге священнику? Какое дело он намеревается мне поручить? — Накануне Просперу Лепику звонили от самого архиепископа. Святой отец попросил адвоката принять некоего аббата Жиро. — Черт!.. Что бы это ни было за дело, боюсь, придется заняться им, хотя я предпочел бы иметь возможность выбора... Но, что поделаешь: я на мели. Домовладелец вчера прямо намекнул на два неоплаченных счета..."

Побрившись и тщательно одевшись, адвокат, наконец, вышел в приемную.

— Тысяча извинений, господин аббат! Мне невольно пришлось подвергнуть тяжкому испытанию ваше терпение...

— Пустяки, мэтр... Не имеет значения...

— Вы слишком любезны! К сожалению, дорогой аббат, мой кабинет занят сейчас одним коллегой, который пришел посоветоваться по крайне запутанному делу. Может быть, вы согласитесь побеседовать со мной здесь, в приемной?

— Разумеется.

Жюгонд исчез, а Лепик потер руки.

— Слушаю вас, господин аббат...

Еще через день епископ Нанси Жибель, недоумевая, вертел в руках визитную карточку, которую ему только что передали.

На карточке было написано:

"МАРКИЗ ДЕ САНТА-КЛАУС".

— Маркиз де Санта-Клаус! Вот это имечко! Все равно что сказать: господин Синяя Борода или господин Мальчик-с-пальчик! И каков же он из себя, этот маркиз?

— Высокий и худой, но тем не менее — крепкий. Темноволосый, смуглый, я бы даже сказал, кожа у него оливкового оттенка. На вид лет тридцать-тридцать пять. Элегантен, благовоспитан, только взгляд чересчур пылливый, если не инквизиторский... В общем, красивый мужчина. Больше всего похож на португальца благородного происхождения. Прекрасно говорит на нашем языке, но какой-то намек на акцент чувствуется. Одет, скорее, просто и в строгом стиле, но, тем не менее, и тут присутствует некая экзотика, хотя непонятно, в чем именно.

Его преосвященство улыбнулся.

— Вы мастер подмечать детали. Давайте-ка попробуем теперь определить этого иностранца одним словом: дворянин или авантюрист?

Секретарь прелата всегда отличался осторожностью в суждениях.

— Нисколько не сомневаюсь, — дипломатично ответил он, — что вы лучше меня сможете ответить на этот вопрос, если согласитесь на аудиенцию.

Епископ был в явном замешательстве.

— Досадно, — прошептал он, — очень досадно... Не вижу никаких причин отказывать в приеме благородному иностранцу, но он появился именно в тот момент, когда я ожидал... другого человека, и этот другой опаздывает...

Узнав от аббата Фюша о попытке ограбления мортфонской церкви, его преосвященство решил установить тщательное наблюдение за ракой с мощами Святого Николая. Он сразу же отбросил мысль о том, чтобы обратиться в полицию Нанси — отчасти потому, что опасался неуместной болтовни: город, где располагалась его резиденция, находился слишком близко от Мортфона. Но главная причина была более серьезной: очень уж ему не хотелось вмешивать полицию в церковные дела. Еще меньше хотелось связываться с частными детективами, которых епископ презирал как класс. Пришлось поделиться своими трудностями с архиепископом парижским, монсеньёром Флораном.

Его высокопреосвященство тут же откликнулся, сообщив епископу в ответном письме, что посылает к нему из столицы надежного человека — адвоката Проспера Лепика. "О его проницательности, его ловкости и его тактичности рассказывают чудеса, — уверял Флоран. — Кроме того, мэтр Лепик — просто умный человек. Что можно к этому прибавить?"

Лепик прибыл в Нанси утром и обещал к трем пополудни явиться к епископу. А сейчас часы показывали десять минут четвертого... И никакого тебе Лепика!

Зато каким-то ветром принесло нежданного гостя, благородного португальца с невероятным именем: маркиз де Санта-Клаус просит его принять...

Что ж, тем хуже. Лепик подождет.

— Извольте пригласить ко мне господина Санта-Клауса!

Описание, сделанное секретарем, оказалось абсолютно точным. Да, у маркиза какой-то особенно живой взгляд...

— Вероятно, вы проездом в нашем славном городе?

Уголки губ и одна бровь благородного португальца приподнялись почти неуловимым движением.

— Действительно — проездом. Я рассчитываю сегодня же вечером оказаться в Мортфоне.

Прелат вздрогнул.

— Разрешите спросить, что привлекает вас в этом местечке? Для туриста Мортфон, на мой взгляд, не представляет никакого интереса...

Губы маркиза Санта-Клауса раздвинулись чуть шире.

— Напротив. Меня, в частности, очень интересует местная церковь. Если верить путеводителю Жоанна, хранящаяся там рака с мощами Святого Николая — настоящее сокровище.

Епископ подозрительно уставился на гостя, но решил продолжить светскую беседу:

— Меня радуют ваши намерения, маркиз. Да, действительно...

Он прервался, заметив, что гость так и подскочил на месте.

— Маркиз? Простите меня, пожалуйста, ваше преосвященство, должно быть, я перепутал визитки! Подобная рассеянность непростительна! — Он достал из кармана бумажник и вытащил оттуда визитную карточку.

Жибель всем своим видом выразил глубочайшее изумление.

— Не может быть! Вы...

Маркиз живо поднес палец к губам и громко произнес:

— Да, я действительно маркиз де Санта-Клаус.

Глава 2. Золотая рука

Семь или восемь ребятишек растянулись на травке, еще зеленевшей вдоль берега Везузы, и смотрели на воду. Изредка над ее поверхностью показывалась рыба голова.

— Ночью пойдет дождь, — сказала одна из девочек.

— Да нет, какой там дождь! — ласково усмехнулась Катрин Арно, красивая молодая девушка, которую все дети и подростки Мортфона называли Золушкой. — Прислушайся получше!

Все прислушались: и правда, в ближнем леске что-то легонько потрескивало — это ломались самые тонкие веточки.

— Верная примета, — объяснила Катрин. — К ночи подморозит. Сейчас-то вы не мерзнете?

Спускались сумерки. Арка моста ясно отражалась в прозрачной воде, и на него поднялся какой-то человек.

— Эй! Привет! Привет! — помахал он рукой.

— Привет! — дружно ответили дети.

— Это Блез Каппель, — сказала маленькая Мадлен Нейбах. — И я знаю, куда он идет! К аббатству Гондранж!

— Зачем?

— А вот этого-то я и не скажу!

— Не знаешь! Не знаешь! Не знаешь, потому и не скажешь!

— Еще как знаю. Блез Каппель ищет Золотую Руку!

— Золушка! Золушка! Расскажи нам историю Золотой Руки!

— Да вы ее наизусть давно выучили!

— Ну, расскажи, Золушка!

— Ну, ладно, — согласилась Катрин Арно, — слушайте. Это было больше тысячи лет назад... — Ребята переглянулись. Тысяча лет? Слишком много, никакого воображения не хватит, чтобы себе такое представить... — В те далекие времена некий господин из Варанжевилля...

— Ой! Я знаю, знаю! — воскликнула Мадлен Нейбах. — Я однажды была с мамой в Варанжевилле. Это чуть в сторонке от Сен-Николя-дю-Пор, поблизости от Нанси.

— Да, правильно. Но если ты не замолчишь, я никогда не смогу рассказать вам историю до конца. Значит, вот как было дело. Этот господин, о котором я вам гово-

рила, привез из Италии священную реликвию, кусочек мощей Святого Николая: самый кончик его пальца, совсем крошечный. Чтобы сохранить эту реликвию, король Рене Анжуйский много лет спустя заказал изумительную раку в форме человеческой руки.

— И что — она была даже красивее, чем рака в Мортфоне, Золушка?

— Намного красивее.

— Во сколько раз?

— Ну, такого вам никто не скажет. Это была рука из чистого золота, украшенная жемчугом, бриллиантами и другими драгоценными камнями, сверкающими, как солнце, представляете?

— Такими камнями, как в витрине у ювелира Тюрнера?

— Да ты что! В тысячу раз лучше! Ну, ладно... Рассказываю дальше... Полюбоваться Золотой Рукой и помолиться Святому Николаю постоянно стекалось множество людей. Говорят, что однажды на Пятидесятницу прибыло сразу больше двухсот тысяч человек.

— Двести тысяч? Господи, да как же их всех разместили и чем накормили?

— Очень просто! — ответила Катрин. — Они принесли с собой в котомках хлеб и колбасу, а спали на берегу реки.

— А какой она была величины, Золушка?

— Такая большая... Ну, как моя — от кончиков пальцев до локтя. К несчастью, она пропала сто пятьдесят лет назад.

— Пропала, Золушка? Совсем исчезла?

— Говорят, что плохие люди в то время, его называют эпохой Революции, украли ее, чтобы наделать золотых монет. Но некоторые утверждают, что это не так, и знаете, почему? Некоторые утверждают, что Золотая Рука короля Рене никуда не пропала: ее спас ризничий церкви Сен-Николя-дю-Пор и спрятал сначала в Аврикуре, а потом у нас, в Мортфоне...

— И Блез Каппель в это верит! — задыхнулась от волнения Мадлен Нейбах.

— Да, конечно. Он думает, что Золотая Рука спрятана где-то в развалинах старинного аббатства Гондранж или в замке барона де Фая, что позади мэрии. Но другие считают, что она находится в одном подвале на Рыночной улице, знаете, где москательная лавка?

— Знаю, знаю, я рядом с ней живу! — воскликнула одна из девочек с нескрываемой гордостью: еще бы, жить совсем рядом с местом, где уже больше полутора веков покоится знаменитейшая историческая реликвия!

— Но есть и другие мнения, — продолжала Катрин. — Некоторые вспоминают таинственную фразу, которую когда-то прочли в одной колдовской книге.

— Знаю! Знаю! — закричала Мадлен Нейбах и тут же затараторила: — "Спроси Пастушью Звезду, и ты найдешь, где спрятана Золотая Рука..."

— А ты, Золушка, веришь, что эта Золотая Рука где-то спрятана?

— Ой, не знаю, крошка моя, — вздохнула Катрин, призадумалась и добавила. — Да и кто может знать...

— Знаешь, Золушка, мой брат Кристоф один раз спускался в подземелье, вместе с Жюлем Пудриолле и племянником Деда с Розгами, ну, ты знаешь — деревенский полицейский Вирекур, — таинственно заговорил толстощекий мальчик. — Говорят, там тьма кромешная и то и дело на голову падают капли ледяной воды... Еще там полно всяких зверюшек, которые с писком бросаются тебе под ноги... И хотя он страшно испугался, мой брат Кристоф, он все-таки... он... знаешь...

— Трус! Трус! — закричали девочки.

Мальчик вскочил, сильно разозлившись.

— Ничего мой брат не трус! — возмущенно выкрикнул он. — Ничего не трус! Вот я ему скажу — и увидите...

— Чего это мы такое увидим?

Паренек пробормотал какую-то нечленораздельную фразу — ясно слышалось только дважды повторенное слово "трепка", потом повернулся спиной к компании, подобрал с земли плоский камешек и с силой запустил его по воде, надеясь, что он запрыгает. Вот только ничего у него не получилось, и он еще сильнее надулся, однако, вернувшись к компании и встретившись взглядом с Золушкой, смотревшей на мальчика дружелюбно и сочувственно, тут же заулыбался.

Небо заволокли длинные темные тучи.

— Ну, все! — сказала Катрин. — Пора по домам, если мы не хотим встретиться с буйкой...

В тот же самый час из Нанси в Страсбург шел пассажирский поезд. Элегантный мужчина, единственный пассажир в купе второго класса, нервно курил одну сигарету за другой и каждые пять минут смотрел на часы. Иногда он бросал рассеянный взгляд за окно — на мирные сельские пейзажи Лотарингии. Вскоре поезд подошел к Сире, и путешественник выпрыгнул на платформу. В руке у него был чемодан из свиной кожи, весь заклеенный рекламой известных отелей. Он быстро миновал здание вокзала, вышел на площадь и направился к двум машинам, стоявшим бок о бок у тротуара.

— Можете подвезти меня в Мортфон?

— Я-то нет, — ответил один из таксистов. — Мой маршрут — в Арракур и Виксюр-Сей. Это в другую сторону. Но второй парень вас возьмет: ему по пути. — И зарорал дремавшему водителю: — Эй, Марселен! Тут пассажир до Мортфона!

Путешественниксел в машину, и спустя полчаса они уже стояли перед отелем "У Святого Николая".

— Здесь лучше всего готовят в этих краях, — пояснил шофер.

Появление незнакомца произвело сильнейшее впечатление. Летом в Мортфоне еще бывали редкие туристы, но зимой — никогда. Ни одного. Этот господин с роскошным чемоданом оказался первым.

Мальчишки, гулявшие поблизости, ужасно разволновались, собрались стайкой и прилипли к стеклам, надеясь разглядеть через щелочки в неплотно задернутых шторах, что делается в вестибюле отеля.

— Мсье нужен номер?

— Да, и самый комфортабельный. Я рассчитываю пробыть здесь не меньше месяца.

Потрясенная мадам Кюф, хозяйка отеля, раскрыла перед гостем регистрационную книгу, где тот четким, аккуратным почерком написал свое имя и место жительства, после чего вслед за горничной, благоговейно несшей в руке чемодан свиной кожи с многочисленными наклейками, отправился в свой номер.

Мясник Ажен, один из завсегдатаев пивного бара при отеле, задал вопрос, который вертелся у всех на языке:

— Что это еще за явление? Откуда он взялся?

— Тихо! Тихо! — Хозяйка приложила палец к губам, взяла в руки книгу и прочла: "Маркиз де Санта-Клаус. Прибыл из Лиссабона. Португалия".

— Ну и ну! Черт возьми! Маркиз! — восхитился булочник Пудриолле.

— Что, приятель, обалдел, да? — усмехнулся хозяин отеля. — Вот именно, что маркиз! Самый что ни на есть маркиз! И приехал не откуда-нибудь — издалека приехал! Знаешь географию? Лиссабон тебе — не соседняя деревня!

— Вот я и думаю, чего его занесло в такую дыру...

— Ничего себе! Он думает! Да тут и вопроса никакого нет: отель Копфа известен по всему миру, и маркиз приехал сюда исключительно для того, чтобы отведать наших фирменных блюд. Сразу видно, что ты ничего не смыслишь в кулинарии, деревенщина! Давай, давай, матушка: где мой передник, где колпак, и пусть все остальное катится куда подальше! Маркиз в моем отеле! Настоящий маркиз!

— Плевать я хотел на таких маркизов! — проворчал среди всеобщего веселья Матиас Ажен. — И на тебя вместе с ними!

— Тихо! Тихо! — снова приложила палец к губам хозяйка.

В воцарившейся мертвой тишине маркиз де Санта-Клаус, безупречно одетый и выглядевший истинным аристократом, прошел через вестибюль.

— В котором часу ужин?

— В то время, когда господину маркизу будет угодно его отведать!

— Скажем, в половине восьмого?

— К половине восьмого стол будет накрыт, господин маркиз. А могу ли я спросить, нравится ли господину маркизу эльзасская кухня? Мы с женой — эльзасцы. Моя жена родом из Рибовилле, а я из Фальцбурга. Четыре года проработал в "Мезон-Руж", большом отеле на площади Клебер в Страсбурге. Господину маркизу, разумеется, известен этот отель?

— Нет, — ответил маркиз. — Но это не имеет значения. Постарайтесь уж приготовить все получше!

— Надеюсь, что господин маркиз останется доволен...

На следующее утро маркиз первым делом отправился нанести визит аббату Жерому Фюшу. Священник гулял в садике, окружавшем его дом. Он бросил взгляд на протянутую ему визитную карточку и радостно воскликнул:

— Ах, мой дорогой, вот и вы! Вы же...

— Маркиз де Санта-Клаус! — поторопился закончить фразу гость.

Надо было видеть, каким лукавством засветилось при этих словах лицо священника!

— Да, да, конечно. Путешествие оказалось не слишком тяжелым? Ведь от Мортфона так далеко до... до...

— Лиссабона, — немедленно уточнил маркиз. — Действительно, путь оказался долгим.

Священник так и расплылся в улыбке: гость ему явно нравился.

— Сначала о деле, господин юре, — серьезно сказал тот. — Насколько мне известно, нам предстоит решить какую-то загадку?

— Загадку? Разве это загадка? Это настоящая тайна! Как напавший грабитель мог выйти из зала на втором этаже, не оставив следов на влажной земле и не воспользовавшись лестницей? Я ломаю над этим голову вот уже целую неделю! Ну, сами посудите...

Маркиз внимательно осмотрел сад, ризницу, помещение на втором этаже.

— Так, ясно... — пробормотал он, заканчивая осмотр.

— Вы уже догадались?

— О чем? Нет, я просто хотел сказать: ясно, что ни на лестнице, ни в этой комнате не существует никаких потайных ходов, никаких механизмов, которые позволили бы человеку исчезнуть. Действительно, это исчезновение можно назвать настоящей тайной! Все признаки налицо.

— Вот! Вот видите, и вы так думаете!

— Да нет... Просто так говорю... Мы же не имеем дело ни с ангелом, ни с дьяволом... А то, что придумал один человек, другой вполне может... Давайте поразмыслим... Грабитель скрылся через окно — это представляется ясным. Хорошо. Но тогда он непременно должен был коснуться земли — как иначе поставить ногу? Значит, он окунулся в грязь... Но при этом не оставил отпечатков... Даже если бы ему взбрело в голову идти на руках или катиться, как бочонок, остались бы следы, которые привлекли бы ваше внимание... Уехал на велосипеде? Вы заметили бы следы шин! — Маркиз задумался. — Ну, ладно... — снова заговорил он после долгой паузы.

— Ладно — что? — разволновался священник.

— Ладно и ладно... Давайте-ка спустимся вниз...

Маркиз пристально всматривался в стену под окном. Никаких повреждений. Впрочем, этого следовало ожидать. Заложив руки за спину, маркиз принялся ходить взад-вперед по саду. Аббат Фюш, усевшись на тачку, стоявшую у стены сарайчика, примыкавшего к ризнице, растерянным взглядом следил за передвижениями гостя, покачивал головой и шептал одними губами:

— Может быть, это и не настоящее чудо, но все-таки тайна, и удивительная!..

— Простите, что я настаиваю и повторяюсь, господин кюре, но вы абсолютно уверены, что на грязной земле не было отпечатков?

— Абсолютно! Мой ризничий Блез Каппель может это подтвердить. Мы же с ним все тут облазили и осмотрели, почву разглядывали с самого того, что ни на есть близкого расстояния, и — ничего! Гарантирую.

— Но это же немыслимо! Обязательно должны быть следы!

Священник развел руками.

— Ну, что я вам могу на это сказать? Не было следов, не было... Я...

Он замолчал, заметив, что маркиз больше его не слушает. Гость смотрел в пустоту, напряженно размышляя. Наконец он заговорил:

— Теперь я могу помочь вам, господин кюре, разгадать эту тайну. Какая там тайна! Детская загадка! Но сначала — один вопрос. Ваш грабитель был довольно высоким мужчиной, да? Как минимум, метр семьдесят пять?

— Именно так.

— Я был в этом уверен!

— Но каким образом... — залепетал священник. — Как вы догадались?

— Если бы рост грабителя был меньше метра семидесяти пяти, он непременно оставил бы на влажной почве отпечатки, весьма отличные от тех, какие оставил на самом деле, и в первом случае вы обязательно их заметили бы.

— Нет, извините, я по-прежнему ничего не понимаю... Вы ничуть не разъяснили загадки!

— Сейчас поймете. На какой высоте от земли расположено окно зала?

— Два метра шестьдесят пять сантиметров...

— Отлично! Теперь представим себе человека ростом в один метр семьдесят пять сантиметров, который висит, уцепившись руками за окно. Ноги его болтаются в пустоте. На какой высоте от земли?

— Погодите-погодите... Значит, его рост — метр семьдесят пять, да плюс пятьдесят сантиметров на вытянутые руки, получается два метра двадцать пять сантиметров. Теперь вычтем эту сумму из высоты окна над землей... Вот! Не хватало сорока сантиметров для того, чтобы этот тип коснулся ногами земли!

— Вот вам эти сорок сантиметров, господин кюре! — сказал маркиз, выбрав в углу сарая одну из примерно двадцати пар ходулей, какие можно найти в любой школе и в любом детском учреждении Франции. — Вот вам эти недостающие сорок сантиметров! Вы просто не обратили внимание на дырочки от ходулей.

— Черт побери! — воскликнул простодушный аббат. — Это же очевидно! Там должны были быть дырки от ходулей! Но таких дырок у меня в саду пруд пруди круглый год! Действительно, детская загадка!

Решив вопрос о следах, гость попросил познакомить его с анонимным письмом, которое священник получил в начале месяца. Письмо не вдохновило его ни на какие открытия. Тогда он бросил взгляд на раку с мощами Святого Николая, и это стало ему поводом заговорить о Золотой Руке.

— Господи помилуй, — сказал священник, — эту Золотую Руку короля Рене сан-жюлы еще когда расплавили! А все рассказы о спрятанной реликвии — просто вздорная болтовня! Обидно, что мой славный Каппель вбил себе в голову дурацкие бредни. Можно даже сказать, что он чуть-чуть помешался на этом. Только представьте: считает поиски Золотой Руки делом своей жизни! Говорит: "Ризничий спас Золотую Руку и ризничий найдет ее и вернет Церкви..."

Маркиз откланялся.

"Вот и первый результат, — думал он, возвращаясь в гостиницу. — Теперь следует определить, у кого из жителей Мортфона рост равен или превосходит сто семьдесят пять сантиметров".

В тот день благородный португалец, запершись в своем номере, совершил целый ряд поступков, слабо отвечавших его природному достоинству. Он снял с руки часы и резким ударом разбил стекло. Посмотрел, остался доволен и достал из кармана перочинный нож. Схватившись за пуговицу пиджака, отрезал нитки, на которых она держалась, и это, как ни странно, вызвало у него еще большее удовлетворение. Затем он оторвал от пенсне шелковую тесемку и аккуратно перерезал ее, а заодно с ней — и шнурки туфель. Но и этим он не удовольствовался. Словно одержимый духом разрушения, маркиз стащил с головы шляпу и сорвал с нее ленточку, потом резким жестом вырвал перо из авторучки... И только после этого, наконец, успокоился.

Выйдя из отеля, маркиз направился напрямик к ювелиру Тюрнеру, исполнявшему в городе также и обязанности часовщика, и попросил вставить стекло взамен разбитого. Пока тот рылся в коробочках в поисках стеклышка подходящего размера, посетитель внимательно рассматривал его. Не обошел пристальным вниманием и его сестру — Софи Тюрнер по прозвищу Матушка Мишель. Чуть позже аристократа уже можно было заметить у портного, где ему пришили пуговицу к пиджаку. От портного португалец зашел к галантерейщику и придирчиво изучил штук двадцать тесемок для пенсне, прежде чем выбрать подходящую. В обувной лавке он лениво покопался в связке шнурков для туфель, примеряя одни, другие, третьи... В шляпном магазине велел подобрать ленточку, в точности подходящую по оттенку к его головному убору, и потребовалось довольно много времени, чтобы найти такую. В писчебумажном — изучил добрую сотню перьев, пока, наконец, сделал выбор.

Благодаря всему этому маркиз смог хорошенько рассмотреть многих городских коммерсантов. А заходя по пути из одного магазина в другой, в близлежащие кафе промочить горло — и к их владельцам, да и к посетителям тоже. Все это позволило ему прийти к неутешительному выводу: в Мортфоне полным-полно мужчин, чей рост равен одному метру семидесяти пяти сантиметрам или превышает указанную величину.

Первый послеобеденный визит португалец нанес учителю начальных классов местной школы. Поскольку дело происходило в четверг, занятий не было. Господин Виллар, сидя за столом в пустой классной комнате, проверял сочинения и тихонь-

ко напевал "Карманьолу". Едва завидев маркиза, он вскочил, воздел руку и ни с того ни с сего произнес следующую краткую речь:

— У меня не в обычае таить свои чувства, господин маркиз, что есть, то есть, я говорю без обиняков. Меня называют ярым республиканцем. И не зря. Свобода, Равенство, Братство! Я верю в эти три понятия и, не отрицая, что дворянство в свое время немало сделало для развития литературы и искусства, тем не менее, приговариваю его. Послушайте меня хорошенько: я не ставлю вопроса о личностях, я приговариваю класс, сам принцип. Я отрицаю все и всяческие привилегии. Не сердитесь на меня за это: я говорю от души. Но несмотря на это, господин маркиз, а может быть и исходя из этого, я очень счастлив, что Мортфон удостоился чести принять у себя человека ваших достоинств, представителя элиты. Я всего лишь скромный школьный учитель, и ваш визит для меня в высшей степени почетен.

После обмена любезностями маркиз приступил к делу:

— Скажите, мсье Виллар, а нет ли в муниципальной библиотеке интересных исторических документов, связанных с этими краями? Я имею в виду историю не дальше Великой Революции...

Учитель тут же начал сыпать названиями, не представлявшими для гостя никакого интереса, и тому пришлось сделать намек на Золотую Руку. Мсье Виллар живо откликнулся.

— Вздор! Пустые сказки! — воскликнул он убежденно. — Ковчежец переплавили еще во время Революции, и добавлю, что лично меня это радует. Да, господин маркиз, радует! Все в этой местности знают: я вольнодумец. Я высоко не су знамя светского образования. Зная это, вы поймете, почему я охотно представлю себя в ваше распоряжение на предмет знакомства с библиотекой, расположенной в левом крыле здания мэрии. К несчастью, вряд ли вам удастся найти там что-либо стоящее из местных документов. С этой точки зрения, вам лучше обратиться к барону де ла Фаю, человеку редкостной благовоспитанности, человеку, которого я очень уважаю, несмотря на благородство его происхождения, а он — настоящий дворянин! На мой взгляд, вам стоит порыться в архивах его замка.

Средневековый замок барона стоял на краю городка, на поросшем лесом холме. Из окон замка открывался прекрасный вид на окрестности: был виден весь Мортфон, равно как и обширные луга, по которым змейкой вилась Везуза. Совсем далеко можно было различить синеватые гребни гор: это были отроги Вогезов с их голубыми елями.

Просторные помещения внутри замка казались громадными, потому что были погружены в полутьму: освещались они лишь керосиновыми лампами. У барона де ла Фая было вытянутое суровое лицо. Хотя маркизу оказали любезный прием, и хотя он внимательно выслушал его, лишь изредка прерывая, чтобы вставить свидетельствующие о неослабном интересе замечания, португалец все время чувствовал, что на самом деле барон ничуть не заинтересовался разговором, может быть, из-за того, что был слишком погружен в собственные тайные мысли.

Барон, мужчина лет сорока или около того, был холостяком. В Нанси поговаривали о его многочисленных интрижках, но все это были давние дела, а "любви он не знал никогда", как говорилось в песенке.

— Архивы моего замка в вашем распоряжении, маркиз. Если вам угодно сегодня же бросить взгляд на...

Но маркиз извинился: сейчас — никак, слишком много дел в городе. На самом деле, он не хотел задерживаться в замке, потому что его тяготила царившая в ста-

ринном поместье, можно сказать, совершенно фантастическая атмосфера, воздействие которой усиливалось поведением хозяина.

Служанка без возраста, без лица, без голоса и похожая на бесплотную тень, незлышно пролетающую над паркетами замка, вывела маркиза наружу. Он вышел из парадного подъезда и вздохнул с громадным облегчением. Спустился с холма, остановился и прислушался: по другую сторону густого кустарника раздавались приглушенные голоса.

— Ну, что — понял? В десять часов вечера встречаемся позади мэрии... Не забудь оружие. Я принесу веревки и кляп.

— Все ясно!

— Проникнем к старой Тюрнерше через подвал. Помни: стрелять из револьвера строго запрещается, разве что нам отрежут пути к отступлению. Строго запрещается брать драгоценности. Что касается бомбы...

Маркиз де Санта-Клаус усмехнулся про себя. Этот зловещий диалог пробудил в нем трогательные воспоминания. Он обогнул кустарник.

— Скажите, дети, где находится спуск в подземелье? — спросил он.

При виде португальца четверо мальчишек, старшему из которых вряд ли было больше пятнадцати, встепенулись и замолчали, всем своим видом выражая испуг и растерянность. Один из них побледнел, другой густо покраснел, еще двое сосредоточились на разглядывании носков своих ботинок.

Первым отозвался самый младший. Он ткнул пальцем в неопределенном направлении.

— Подземный ход — вон там, сразу налево, за хижинкой дровосека, мсье!

— И он действительно ведет к развалинам аббатства Гондранж?

— Когда-то вел, мсье, так говорили... А сейчас — нет, из-за осыпей. Он проходит под Везузой, и там есть дыра, из которой можно выйти в поле. Но нужно быть очень осторожным: некоторые проулки этого подземного хода вообще ведут неизвестно куда!

— Спасибо, малыш.

Маркиз удалился.

— Дурак! — обрушился на младшего в компании один из старших. — С ума сошел — рассказываешь обо всех тайнах города какому-то иностранцу! А может, он шпион — этот тип?

— Сам с ума сошел! Это португальский маркиз, который ищет Золотую Руку. Вроде бы, у него даже есть какой-то специальный аппаратик, чтобы отыскивать закопанные сокровища. Детектор.

— В любом случае тебя надо судить!

— Ага! Сейчас! Ты, что ли, здесь командуешь? А по башке получить не хочешь?

— Тихо! — прикрикнул подросток, который явно был главарем. — Тихо! Мы терем время. Так вот, я говорил насчет бомбы...

Мальчишки-фантазеры вытянулись на холодной траве и принялись жарким шепотом обсуждать подробности заговора: они собирались при помощи взрывчатки разрушить ювелирную лавку Тюрнера.

Подземный ход оказался довольно широким, но очень низким. Маркизу пришлось пригнуться. Он шел, обшаривая дорогу впереди лучом электрического фонарика. Сначала галерея представляла собой пологий спуск, потом начался подъем. Пол был неровным, маркиз то и дело спотыкался. Он считал шаги, стараясь делать их одинаковой величины, чтобы в любой момент иметь возможность измерить пройденное расстояние. Ему было очень и очень не по себе. Нет, дело не

в опасениях, не в страхе. И ничего общего с глухим беспокойством, которое он ощутил в гостях у барона де ла Фая. На этот раз он нервничал только из-за того, что боялся заблудиться. Ему уже казалось, что стало труднее дышать этим застоющимся воздухом. Иногда его пробирал озноб. И вдруг он очутился на развилке: перед ним открылись три ответвления подземного хода. По какому из них идти? Маркиза охватило жгучее желание вернуться назад, но он преодолел его, бросил на землю носовой платок в качестве опознавательного знака и наугад углубился в правый проулок.

Теперь его шаги стали крадущимися, осторожными. А через десять минут пришлось и вовсе остановиться. Дальше идти было некуда — осыпь. Побегал назад, горестно повторяя: "Ничего, маркиз! Держись!", заставил себя двигаться медленнее, добрался до перекрестка, но к великому своему удивлению не обнаружил там никакого платка. Подумав, что ошибся дорогой, сунулся во вторую галерею, в третью. Никаких следов платка! Португалец забеспокоился. Что значит исчезновение опознавательного знака? За ним кто-то следит?

Тем не менее, он продолжал искать выход. Безуспешно. Мало того, все проулки были так похожи между собой, что, в конце концов, маркиз перестал различать их. Где тот ход, по которому он явился сюда? Где тот, у которого в конце земляная насыпь? Это они или два других, неизвестно куда ведущих? Маркиз какое-то время колебался, потом все-таки выбрал одну из галерей, пошел по ней, и вскоре ему показалось, что становится все более и более свежо. "Должно быть, я на правильном пути, — подумал он. — Везуза явно недалеко отсюда. Может быть, я сейчас как раз иду под ней..."

Он остановился и погасил фонарь, ясно расслышав чьи-то шаги. В пятнадцати метрах отсюда галерея изгибалась. Маркиз ждал в кромешной тьме.

Вскоре сумрак чуть-чуть рассеялся, потом земляные стены позолотил слабый свет. Из-за угла появился мужчина с фонарем в руке. Другой рукой он ощупывал воздух перед собой.

По мере того, как этот тип приближался, маркиз терял уверенность. Уж больно странно новопривывший выглядел... То ли лунатик, то ли вообще сумасшедший...

Остановившийся трагический взгляд и эта странная, как у слепого, манера ощупывать воздух придавали видению весьма неприятный характер. Маркиза охватил ужас. Он сунул руку в карман, коснулся холодной стали браунинга, немного успокоился и чуть отодвинулся от стенки, в которую вжимался всем телом.

Незнакомец, видимо, заметил его и, убывшись ход, подошел. Маркиз, не понимая, что делать дальше, застыл в нерешительности.

— Простите, мсье, — сказал лунатик, — не наткнулись ли вы здесь, случайно, на мои очки?

Глава 3. Человек в красной шубе

Приближалось Рождество. А с ним — и рождественские морозы. Чтобы постное масло не застывало, приходилось постоянно держать его поблизости от огня. Ребятишки, натаскав ведрами воду, оборудовали роскошные ледяные горки и ледянки на дорогах, падали там почем зря и возвращались домой все, как один, в разорванных на коленках штанах. Долгими ночами ветер с завыванием и скрежетом вращал флюгера. Хотя сезон охоты был закрыт, из лесу то и дело доносились приглушенные "выстрелы": на самом деле это от холода трескались вековые ели...

После встречи в подземелье, когда Блез Каппель, зашедший туда в поисках Золотой Руки, не нашел ничего, кроме носового платка португальца, зато потерял оч-

ки, охотники за исчезнувшей реликвией встречались не один раз. И Золотая Рука короля Рене неизменно становилась главной темой их бесед. Маркиз показал ризничему свой детектор: нечто вроде компаса, а тот не стал скрывать, что куда больше доверяет своей раздвоенной на одном из концов палочке, срезанной с куста орешника.

Господин де Санта-Клаус встречался также с бароном и со школьным учителем. Он нанес визит мэру — мсье Нуаргутту, добрейшей души человеку хорошей крестьянской закваски, хотя, к сожалению, сильно подпорченному большими прибылями. Побывал и у доктора Рикоме, толстенького лысого мужичка, мечтавшего открыть свой кабинет в Нанси. В ресторане отеля "У Святого Николая", где папаша Колф продолжал угощать его изысканными блюдами, маркиз постепенно свел знакомство с Аженом, Корнюссом, Тюрнером, сельским полицейским Вирекуром, а однажды даже повстречался с Золушкой. Девушка, надо сказать, произвела на него сильнейшее впечатление.

Гаспар Корнюсс был настоящим фотографом-художником, создателем оригинальных почтовых открыток и ангелом-хранителем всех влюбленных голубков Мортфона, этих застенчивых юношей и девушек, которые без него никак не смогли бы объяснить, какой огонь пылает в их душах. Но он исполнял и еще одну роль, удававшуюся ему как нельзя лучше: этот толстяк-сангвиник с глазами осьминога — громадными, синеватыми, блестящими и всегда немного влажными — каждое Рождество становился Дедом Морозом. Ежегодно в канун Рождества здоровенный дядька, старый как мир, если верить его морщинам, дядька в белом парике и с белой бородицей, одетый в красную шубу, отороченную горностаем, и в пестрый колпак, переходил из дома в дом и справлялся о поведении мальчиков и девочек. Родители охотно рассказывали:

— Знаете, Дедушка Мороз, Кристина так ленилась весь прошлый месяц...

— Ох-ох! — ворчал старик.

На лице его появлялось выражение суровости, и он что-то записывал в свою книжечку.

— Знаете, Дедушка Мороз, а Сюзель очень хорошо вела себя, когда болела коклюшем...

— Ах! Ах! — радовался старик.

Лицо его становилось нежным и ласковым, и он опять что-то записывал в свою книжечку. Правда, в другую колонку.

После этого чудесный гость обычно скрывался в столовой, родители оставались с ним, а детей туда не пускали. Из-за двери слышался таинственный перезвон бутылок, судя по звукам, в потолок летели пробки, потом что-то булькало, потом сдвигались бокалы...

Вечером во время генеральной репетиции предстоящего торжества все снова видели легендарного старика. Человек с Мешком передавал ему письма с просьбами об игрушках, и он уходил. Нет, какое там уходил! Он становился невидимым и бегал всю ночь с корзиной за плечами, по кровлям, перепрыгивал с крыши на крышу, да так легко, что даже вороны, и те не пугались, а он... Он спускался в дома через каминные трубы и укладывал в выставленные перед очагом маленькие сабо самые желанные игрушки...

Дети постарше утверждали, что никакой это не Дед Мороз, а просто переодетый и загримированный Гаспар Корнюсс. Хотя бы даже потому, что после обхода таинственным стариком столовых и "чоканья" с родителями все всегда видели сильно навеселе именно фотографа.

А малыши на это уверенно возражали, что такой толстяк, как Гаспар Корнюсс, никогда бы не смог пролезть в каминную трубу, и потому Человек в Красной Шубе не кто иной, как самый настоящий Дед Мороз.

Церковь еще не была освещена. Слабое свечение исходило только из одного источника, и на его фоне мелькали иногда силуэты ризничего или мадемуазель Софи Тюрнер: это были ясли, где родился Иисус Христос. Из-за электрических лампочек, подложенных под солому, на которой лежал Божественный Младенец, казалось, что солома горит.

В ризнице аббат Фюш заканчивал последние приготовления к праздничной мессе. Настроение у него, судя по всему, было прекрасным. Каппель, напротив, вроде бы сильно нервничал. Он поднялся в зал, где обычно проходили занятия с детьми, и перегнулся через подоконник. Снег, без устали падавший огромными хлопьями до восьми часов вечера, выбелил землю, она тоже будто светилась в сумраке. Ризничий распрямился и попытался заняться уборкой, но душа у него явно к этому не лежала. Он то и дело бросал взгляд на сейф, временами подходил на цыпочках к двери и жадно прислушивался к шорохам и шумам, доносящимся снаружи. На площади перед церковью мальчишки бомбардировали снежками вылепленного ими незадолго до того снеговика и всякий раз, как удавалось попасть в цель, взрывались радостными криками.

— Что ж, Каппель, — сказал священник, — у нас будет отличный праздник, и я надеюсь, что все пройдет как нельзя лучше.

— Как бы мне этого хотелось, господин кюре! — вздохнул ризничий.

— Да! Да! Я уверен, что все пройдет как нельзя лучше! — воскликнул аббат еще более уверенно и погладил себя пальцами по чисто выбритой щеке.

Внезапно Каппель выскользнул наружу...

Маркиз де Санта-Клаус всю вторую половину дня не покидал окрестностей церкви. Время от времени он заходил внутрь и ненадолго присаживался, о чем-то размышляя. Потом вышагивал взад и вперед перед домом священника, то и дело бросая на дверь цепкий взгляд. А то и просто бродил по саду, заложив руки за спину.

Примерно в четверть одиннадцатого маркиз открыл калитку. Он не позвонил в дверь дома священника, а обогнул строение и принялся мерить шагами аллею позади него. Налетел обжигающе холодный ветер. Благородный португалец укрывшись под навесом, сел на принадлежащую священнику тачку и вытянул из портсигара сигарету. Сунув ее в рот, он, тем не менее, не стал прикуривать. Облокотился на колени, уложив подбородок в сдвинутые ладони и пристально вгляделся в кромешную тьму. Наступил момент, когда по телу его пробежала дрожь: он услышал легкие шаги... Слишком легкие...

— Ага, это ты, приятель! — тихо пробормотал он, засовывая руку в карман, где лежал верный браунинг.

Шаги, между тем, приближались. Маркиз мог даже сосчитать их.

"Так, — думал он. — Никакой спешки! Никакой нервозности! Подпущу его еще на четыре шага... Четыре шага — и я включаю фонарик, наставляю на него пушку и прошу этого любителя ночных прогулок показать свидетельство о рождении..."

В ту же секунду он резко отскочил в сторону. Инстинкт самосохранения, более сильный, чем рассудок, подсказал ему, что он ошибся в своих расчетах, опасность была куда ближе, чем он предполагал.

Повинуясь этому инстинкту, маркиз вскочил на ноги.

Оказалось — слишком поздно. Он почувствовал невыносимое жжение в районе правого виска, в мозгу его сверкнула молния, и он рухнул на землю.

Несколько минут спустя у бравого маркиза во рту уже находился кляп, сам он был засунут в какие-то мешки, связан по рукам и по ногам, от чего приобрел вид туго набитой колбасы, которую, в свою очередь, привязали к одному из столбов, на которых держалась крыша...

Блез Каппель вошел в ризницу, весело насвистывая мотив рождественской песни:

— Три ангела пришли сегодня в ночь...

— Что такое? Что с вами? — слегка удивился аббат Фюш.

— Ах, простите, господин кюре! Задумался... Понимаете, я вспомнил, что вы говорили недавно о...

— О чем же, друг мой?

— О том, что все пройдет как нельзя лучше.

— Я на это надеюсь!

— А я в этом уверен, господин кюре! Я подумал и присоединился к вашему мнению. Зря я переводил кровь на воду. Все будет отлично, голову могу дать на отсечение!

Кюре бросил на ризничего озадаченный взгляд, потом с улыбкой заключил:

— Да услышит вас Бог, мой славный Каппель!

В верхнем зале все уже было готово для праздника — об этом позаботилась мадемуазель Софи Тюрнер. На увешанных игрушками ветках елки сияли огнями полсотни крошечных свечек. Вокруг фисгармонии, за которой сидела сестра ювелира, собралась целая дюжина ребятшек в праздничных нарядах. На скамейках в зале тихонько переговаривались между собой старшие члены их семей. Вдруг в саду громко скрипнула калитка, и сразу же послышались оживленные голоса: это горожане целыми толпами стекались на торжество.

— Добрый вечер, господин кюре!

— Добрый вечер, друзья мои! Живенько поднимайтесь вверх...

Зал наполнился. Здесь были мэр города господин Нуаргутт, доктор Рикоме, папаша Копф, парикмахер, аптекарь, естественно, Каппель, а сколько других!.. Почтальон и полицейский Вирекур пришли вместе, и Вирекур сразу же устроился поблизости от стенового шкафа, откуда ему вот-вот придется доставать костюм Деда с Розгами.

— Смотри-ка, — прошептала одна из девушек на ухо соседке, — а Золушка-то запаздывает!

Господин кюре, улыбаясь, произнес краткую речь и удалился в ризницу. По сигналу мадемуазель Софи Тюрнер дети затаили провансальскую рождественскую песню.

Гаспар Корнюсс в своей красной шубе-тем временем направлялся к церкви. Он сильно раскачивался, глаза его горели, физиономия светилась. По пути он постучал в остававшиеся четыре или пять дверей и задал басом традиционный вопрос:

— Все ли тут в этом году хорошо себя вели?

— Да, да, Дедушка Мороз, все были паиньками!

Заглянув в ризницу, фотограф с тревогой спросил, намного ли опоздал.

— Нет-нет, Корнюсс, не волнуйтесь, дети еще поют... Вы пришли как раз вовремя.

Кюре вынул из шкафа раку с мощами Святого Николая.

— Ну, как? Хороша, а, Корнюсс?

Фотограф молитвенно сложил руки.

— Ах, до чего хороша, господин кюре!

Он подошел поближе, чуть отступил, снова приблизился, обошел вокруг ковчежца, искося глядя на него, потом протер глаза и с глубоким вздохом устался на аббата.

— О, господин кюре! — прошептал Корнюсс. — О, господин кюре, какое же я ничтожество!

— Что вы такое говорите?

— Я полное ничтожество!

— Не понимаю, какая муха вас укусила, Корнюсс!

— Просто я слишком много выпил, господин кюре. Я недостойный грешник, вот я кто!

— Послушайте, Корнюсс, хватит! Не собираюсь говорить вам комплименты на этот счет, но... Не такой уж это смертный грех, в конце концов! В подобный день... Не стоит так убиваться! Тем более, что, насколько я помню, примерно то же самое происходит каждый год... Главное, чтобы у вас хватило сил правильно все сделать там, наверху... Войти, выйти, как надо... Было бы очень досадно угостить детишек зрелищем пьяного Деда Мороза!

— Дело не в том, господин кюре. Дело в раке.

— Что-что? В каком раке?

— Не каком, а какой! Она не сверкает!

— Что не сверкает?

— Бриллианты больше не сверкают, господин кюре. Вернее, я больше не вижу, как они сверкают. Это дурной знак. Я слишком надрался, говорю вам!

Аббат Фюш вздрогнул. Он внимательно всмотрелся в один камень, повернул раку и всмотрелся в другой, потом снова в первый.

— Я жалкий грешник!

— Да замолчите же вы, несчастный! — почти грубо прикрикнул священник. — Вы действительно выпили сверх меры! Бриллианты...

Он наклонился над ковчежцем и снова с подозрением вгляделся в камни. А когда разогнулся, на лбу у него выступили капельки пота, лицо стало смертельно бледным. Он зажег свечу и поднес ее к раке. Корнюсс тупо смотрел, что делает кюре, и ничего не мог понять. А священник, тем временем, вдруг отставил свечу, обхватил голову руками и застонал:

— О, Господи!.. Мне кажется... Мне кажется, что... О, Господи!.. О-о! О-о!..

Чтобы не упасть, аббату пришлось прислониться к шкафу. На лице священника ясно читалось выражение тоски и полного недоумения. Потом он схватил фотографа за плечи.

— Корнюсс, ради Бога, не покидайте ни на минуту этого помещения! Пусть никто не дотрагивается до раки... И никому ничего не говорите насчет бриллиантов... Я сейчас вернусь. Главное: никому ни слова! Вы поняли меня?

— Да, да, господин кюре, — бормотал фотограф, почти протрезвевший от удивления и переживаний. — А что случилось?

Кюре, ничего не ответив, выскочил за дверь и помчался по саду, путаясь в полах сутаны. Он выбежал за калитку, молнией пронесся по площади, по улице и, задыхаясь, подлетел к дому ювелира. Постучал в ставню и позвал глухим голосом:

— Макс Тюрнер! Макс Тюрнер!

Ювелир вооружился лупой, хотя мог бы вполне обойтись и без нее. Ему достаточно было бросить на раку один-единственный взгляд, и он, с мукой в голосе, произнес:

— Поддельные! Камни фальшивые! Какие там бриллианты — простые стекляшки! Полсотни франков за пару! Вот посмотрите на золотые лапки, которыми “камни” держатся: как грубо, неумело они отогнуты, а потом возвращены на место!

Аббат Фюш с трудом подавил рыдания.

Перво-наперво он потребовал от ювелира и фотографа хранить во что бы то ни стало молчание о случившемся. Ну, хотя бы раньше времени не проболтаться о краже бриллиантов.

Как обычно, появление Деда Мороза произвело громадное впечатление на собравшихся в зале. Он вошел, принял от Человека с Мешком ребячий письма, простил мелкие грешки, о которых поведал ему Вирекур, переодетый Дедом с Розгами, и удалился.

В момент, когда аббат Фюш водружал оскверненную раку с мощами Святого Николая на престол, Каппель шепнул ему:

— Для большей безопасности, господин кюре, я потребовал, чтобы сегодня ковчежец охраняли восемь “стражников Святого Николая”, а не четыре, как обычно...

Традиция требовала оставлять раку на ночь в церкви. Каждый год четверо добровольцев-мортфонцев из числа самых благонадежных караулили ее, дежуря парами. В этот раз ночной дозор должен был состоять из четырех человек.

— Хорошо, Каппель... Очень хорошо...

Священник произнес эти слова с таким выражением лица, что ризничий не смог сдержать удивления и тревоги:

— Господин кюре, да что с вами такое? Вы плохо себя чувствуете? Хотите, сбегаю за доктором Рикоме?

— Нет. Это бесполезно.

Аббат Фюш, пошатываясь, прошелся по ризнице, остановился, тяжело вздохнул. Внезапно груз молчания показался ему слишком тяжелым, и он обернул к ризничему искаженное болью лицо:

— Нам больше не понадобится охрана, мой бедный друг...

— Как? Почему? Что вы такое говорите?

— Бриллианты украдены. Те, что сейчас “украшают” раку, — фальшивые. Простые стекляшки! Пятьдесят франков за пару, сказал Тюрнер...

— Но как же так, господин кюре? Нет, это невозможно! Как и когда...

— Одному Богу известно... Начиная с 6 декабря, я ни на минуту не расставался с ключами. И только нам с его преосвященством известен код от замка сейфа... — Вдруг почтенный священник разгневался. — Этот Санта-Клаус! Я даже не смог отыскать его, когда на самом деле он должен был все время быть здесь, стоять на страже! А я-то поверил ему, я-то положился на него! Не понимаю, зачем монсеньёру понадобилось вызывать его издалека, если все равно толку никакого! Никакой он не сыщик, никакой не детектив, просто шарлатан!

— Сыщик? Детектив? Он детектив? — Каппель чуть не упал в обморок. — Ах ты, Господи! Почему же вы не предупредили меня заранее, господин кюре? Видя, как он повсюду шныряет, я вообразил, что у него дурные намерения... Примерно час назад я заметил, как он бродит по саду, и... В общем, я... я нанес ему удар ходулей по черепу, связал хорошенько, заткнул рот и уложил в сарае... Мне казалось, что я поступаю правильно, что вы будете довольны...

Из уст кюре не вырвалось ни единого слова упрека. Слишком очевидно было раскаяние ризничего, слишком велико его отчаяние.

— Скорее, Каппель! Нужно поскорее освободить этого человека и оказать ему первую помощь! Господи, Боже мой! Хотя бы вы не сильно его ранили!

Маркиз де Санта-Клаус с огромной шишкой на лбу все еще испытывал стреляющую, дергающую боль в голове.

— Можете гордиться своей работой, Каппель, — сказал он, поморщившись. — В мою задачу входило предупредить кражу. Что ж, теперь придется ловить вора и, главное, возвращать бриллианты. Конечно, это непросто, но мне приходилось решать и более трудные задачи. Господин кюре, прошу вас до моего сигнала хранить молчание. Абсолютное — никому ни слова. Необходимо также потребовать от ювелира и Корнюсса, чтобы и они держали язык за зубами. Вам бы, конечно, не хотелось посеять тревогу среди горожан? Это — с одной стороны. А с другой — посвятить в это дело вашего деревенского полицейского было бы попросту глупо. Есть определенное преимущество в том, чтобы вор как можно позже узнал, что подмена обнаружена. Следовательно, вам нужно спокойно отслужить мессу. Пусть "стражники Святого Николая" всю ночь охраняют эти стекляшки. Доверьтесь мне. Но... Пожалуйста, теперь уж без фокусов, папаша Каппель! Вы, надеюсь, не станете больше драться ходулями? Я бы сказал, мало подходящее занятие для священнослужителя!

Вдали, над самым горизонтом, стали зажигаться звездочки. Они будто возникали из-под земли, словно выплывали из чащи леса и, объединяясь в большие группы, медленно двигались по направлению к Мортфону. Ритм их движения удивительным образом совпадал с перезвоном колоколов. А объяснялось все просто: каждая звезда — это был фонарик в руке крестьянина, окруженного всем своим семейством, а все местные крестьяне направлялись в церковь на полуночную мессу.

Каппель из окна зала второго этажа искал на небе совсем другую звезду: его преследовала фраза из колдовской книги.

— Спроси Пастушью Звезду, — повторял он про себя, — и ты найдешь Золотую Раку...

Полуночная месса была великолепна. Многие из детишек впервые видели раку. Матери, наклонившись, шептали им на ушко:

— Посмотри, как сверкает этот камень, Жако! Нигде больше не увидишь ничего столь же прекрасного!.. И никто даже и не знает, сколько стоит такой бриллиант, говорят, они бесценны... Может, только господину Тюрнеру и известна их цена...

Аббат Фюш произносил положенные молитвы, делая над собой громадное усилие, чтобы вникнуть в текст. Но в его ушах жужжала роковая фраза, сказанная ювелиром:

— Какие там крупные бриллианты — простые стекляшки! Полсотни франков за пару!

Священник страдал. Сердце его бешено колотилось, каждый удар сопровождался болью, он опасался приступа. До крайности встревоженный, плохо соображая, что делает, несчастный аббат открывал и закрывал вход в алтарь, заходил справа и слева от дарохранительницы, всякий раз порываясь поднять глаза на "крупные бриллианты" и боясь это сделать... А фальшивые камни робко светились в полутьме храма.

"Только бы продержаться до конца!" — твердил себе аббат Фюш.

Перед тем, как пробило полночь, он принял несколько капель спартеина в травяном настое.

В отеле "У Святого Николая" маркиз де Санта-Клаус, запершись в номере, прикладывал к пылающему лбу ледяные компрессы. Боль потихоньку успокаивалась.

Вдруг раздался страшный грохот. Маркиз вздрогнул: что это? А это заремел городской оркестр.

— Слушайте! Слушайте! Оркестр! Месса закончилась! — воскликнула мадам Копф. — Подружки, быстрее, быстрее! Готовьтесь...

Действительно, торжественная служба подошла к концу. Толпа верующих медленно отходила от церкви. На скамьях внутри остались сидеть лишь несколько самых набожных женщин да "стражники Святого Николая". Все они следили глазами за аббатом Фюшем, который, сняв праздничные одежды, принялся гасить горевшие перед алтарем свечи.

Прихожане начали расходиться по своим хорошо натопленным домам, где в каждой печи трещало рождественское полено, где потрескивали жарящиеся каштаны и зерна кукурузы, где пленительные запахи распространялись от накрытых столов... Город ликовал. Смеющиеся люди заполняли улицы и переулки, мальчишки взрывали петарды, юноши в дурацких бумажных шляпах вели под руку девушек, а добравшись до входа в дом, прижимали подружек к дверям, привлекали к себе, сжимали в объятиях. Из глубин длинных коридоров бесшумно возникали бурлескные, по-дикарски раскрашенные фигуры в шутовских нарядах. Казалось, все вокруг призывает к кутежам, пирушкам, веселому пьянству.

Катрин Арно прибежала в замок переодеться знатной дамой прежних времен. Переодевание продолжалось довольно долго, никак не могла найтись одна туфелька, куда-то затерявшаяся. Но какое произошло чудо, какая метаморфоза! Можно было подумать, что добрая фея коснулась своей волшебной палочкой скромного платяща маленькой швеи, превратив его в сверкающий наряд. А этот пожилой владелец замка, который сейчас смотрел на Золушку таким ласковым взглядом, — может, он тоже вышел из старинной сказки?

Когда розовая от смущения и удовольствия Катрин об руку с господином бароном вошла в зал ресторана "У Святого Николая", толпа гостей замерла и с раскрытыми ртами уставилась на потрясающую пару. Она кожей чувствовала обращенные на нее взгляды, и собственный успех почти испугал девушку. Предназначенный для барона и его спутницы стол из мадам Копф украсила вазой с цветами: вереском, подснежниками и несколькими запоздалыми розами, она постелила скатерть в крупную клетку, поставила тарелки тонкого фарфора, хрустальные бокалы. Папаша Копф торжественно внес бутылку лучшего рейнского в ведерке со льдом, наполнил до половины бокалы. Барон поднял свой, весело поглядел на бедную смущенную Золушку, и ей пришлось сделать то же самое...

Бал был в полном разгаре, когда, часа в четыре утра, в зал ворвались двое мальчишек лет по пятнадцати: Жюль Пудриолле и его приятель. Они были смертельно бледны, на лицах написан ужас. В эту минуту танцующие пары как раз остановились: оркестр сделал передышку перед новым туром, — и в зале стояла относительная тишина. Поэтому все ясно услышали, как каким-то совершенно бесцветным голосом один из подростков произнес:

— Деда Мороза убили!

Глава 4. Немец

Труп Деда Мороза обнаружили у входа в подземелье, у подножия лесистого холма, на котором стоял замок барона де ла Фай. Он лежал на спине. Красная шуба ярким пятном выделялась на снегу. Никаких следов крови заметно не было.

— Так я и думал, — проворчал Вирекур. — Кондрашка хватила. Удар. Еще бы, так и должно было кончиться: слишком уж любил закладывать! — И накинуся на мальчишек: — Чего это вы там наболтали про убийство?

— Да вы посмотрите на его шею, — тихо проговорил Жюль Пудриолле.

Ажен наклонился.

— Слушай, а ведь парень-то прав! Беднягу задушили!

На шее явственно отпечатались следы пальцев. Мало того, на ней были видны синева углубления: видимо, кто-то сдвигал шею несчастного с дикой силой.

Сбежали люди. В свете фонарей снег, на котором покоилось тело, казался желтым.

— Пусть кто-нибудь сбегает за доктором Рикоме, — приказал господин Нуаргутт. — Корнюсс мертв, это очевидно. Но тем не менее...

— Копф только что побегал, господин мэр!

— Отлично. Значит, подождем... Поскольку речь идет о преступлении...

Да, поскольку установлено, что речь идет о преступлении, делом должно заняться правосудие. Одна только мысль об этом парализовала окружающих. Они так и стояли в ступоре до тех пор, пока какой-то человек не подбежал к ним с криком:

— Отпечатки!.. Осторожнее, там могут быть следы!

Толпа расступилась, круг стал шире, но было уже слишком поздно. По меньшей мере, человек двадцать вытоптали снег вокруг тела.

Все узнали в подбежавшем маркиза де Санта-Клауса. Он сокрушенно покачал головой.

— Какая жалость! Здесь наверняка можно было все прочесть, как в книге! Поди теперь поищи следы! Бессмысленно...

— Прошу прощения, мсье! — сухо и властно произнес Нуаргутт, которому его тройное достоинство — мэра, всемогущего землевладельца и хозяина игрушечной фабрики — позволяло говорить именно так. — Прошу прощения, мсье, но по какому праву? Вы из суда? Из полиции?

— Нет, конечно же, нет, — растерянно пробормотал маркиз.

— Тогда почему вы вмешиваетесь не в свое дело?

— О, извините, извините, господин мэр! Если вы так на это смотрите... — Маркиз развернулся и двинулся в сторону городка.

Прибыв в Мортфон, португалец прежде всего отправился к Каппелю, но не застал его на месте. В конце концов он обнаружил ризничего у калитки дома священника вместе с Копфом и доктором Рикоме, которого попросили прибыть как можно скорее к постели аббата Фюша. Сердце последнего, сопротивлявшееся целый вечер, устало, и теперь биение его было едва различимым. Состояние священника вызывало такую тревогу, что немедленно вызвали из Нанси "Скорую помощь". А в ожидании ее приезда доктор, как мог, успокаивал рыдающего Каппеля. Но, едва узнав о том, что у входа в подземелье обнаружен труп, сразу же кинулся туда вслед за Копфом.

Прибыв туда, он внимательно осмотрел тело и, разогнувшись, произнес:

— Да, несомненно, совершено преступление. Налицо все характерные признаки. Нужно вызвать полицию. И, уж во всяком случае, нельзя оставлять здесь труп. Пожалуйста, выделите нескольких добровольцев...

Ажен и Вирекур подняли покойника за ноги и за плечи. Женщины, подобрав юбки и придерживая руками шляпы, заковыляли впереди.

Ветер завывал все сильнее, с каждой секундой мощь его возрастала. Стало ясно: со стороны гор с бешеной скоростью и невероятным гулом несется ураган, сметая все на своем пути. Небо было совсем черным — без единой звезды. Фонари, один за другим, гасли. Ветер выл. Женщины вторили ему пронзительными голосами.

— Куда мы его денем? — спросил доктор.

— Что-что? — не понял мэр.

— Я спрашиваю, куда мы его положим? — еще громче повторил доктор.

— Кого положим?

— Покойника-а-а-а!!! — Доктор уже вопил, стараясь перекрыть бурю.

— В мэ-э-э-э-э-э-у-у! — завопил в ответ господин Нуаргутт.

В мэрии, куда сбежался, казалось, весь городок, с убитого сняли костюм Деда Мороза, его шапку, парик, отклеили бороду. Удивление, которое охватило всех присутствовавших при этих действиях, просто не описать! Грим и наряд, в котором Корнюс щеголял весь день и весь вечер, скрывал вовсе не того покойника, какого все ожидали увидеть. Убили совсем не фотографа!

— Послушайте, а кто он, этот тип?

Незнакомец. Его никогда никто в Мортфоне не видел. Круглое лицо. Из-за отсутствия бороды и усов, из-за того, что волосы были подстрижены под машинку, оно казалось еще более круглым.

— Похож на немца, — задумчиво проговорил Копф.

— Наверняка, турист, да из богатеньких, — поделился наблюдениями Ажен. — Достаточно посмотреть на его одежду!

Одежда и впрямь свидетельствовала о благосостоянии. Шерстяной, туго облегающий тело свитер, бриджи из английского драпа, высокие ботинки из мягчайшей кожи...

В бумажнике покойного нашли две стофранковых купюры, несколько листов бумаги, сплошь покрытых цифрами, но — никакого удостоверения личности. В карманах были обнаружены перочинный ножик, часы, носовой платок, мелкие монетки. На безымянном пальце левой руки этот человек носил золотое обручальное кольцо.

Дозвониться в Нанси оказалось очень трудно: бурей повредило связь. Наконец, после долгого ожидания и нескольких безуспешных попыток, заканчивавшихся короткими гудками в трубке, на том конце подошел некто, чью должность так и не удалось выяснить.

— Как вы говорите? Преступление?

— Ну да, преступление. Человека задушили.

— А кто он такой, этот человек? Занимает хорошее положение в ваших краях?

— Он вообще не из наших краев. Никто его не знает. И при нем не найдено никакого удостоверения личности.

— Как жаль, как жаль... Скажите, мэр, вы совершенно уверены, что речь идет о преступлении?

— Еще бы! В этом нет ни малейших сомнений.

— Как жаль, как жаль... А доктор в своем деле — как? Компетентен?

— Более чем компетентен! Кроме того, говорю же вам, что преступление...

— Преступление! Преступление! Вы себе не представляете, сколько раз обычное самоубийство принимается за преступление! Вы уверены, что это не самоубийство?

— Да говорю же вам: уверен!

— Ну, хорошо... Пришлем вам людей... У вас там, вроде бы, погода разгулялась, да?

— О, Господи! Ну, дождик моросит, ну, небольшой туман... — в остервенении сообщил мэр, явно греша против истины.

— Удивительно, удивительно... Мне казалось, дело куда хуже... Ну, хорошо... Вам можно позвонить? Отлично, господин мэр. До свидания, господин мэр.

— Кретин! — буркнул мэр, вешая трубку.

Через две минуты телефон зазвонил.

— Алло! — закричал Нуаргутт в трубку.

— На проводе Нанси, господин мэр... Я по поводу вашего дела. Забыл сказать, когда мы с вами беседовали, что расследование требует, чтобы никто не приближался к трупу, а главное — не дотрагивался до него. Все надо оставить в таком состоянии, в каком было, когда заметили тело. Если там есть отпечатки ног на снегу, лучше накрыть их мешками или тряпками, так они лучше сохранятся.

Мэр помолчал, вспоминая ураган, бушевавший в долине, — как же, как же, останутся следы! — и расхохотался.

— Что вы сказали? — беспокоился далекий голос. — Я плохо вас слышу...

— Я сказал: все будет сделано так, как вы распорядились, — веселясь от души, бросил в трубку мэр. — Сейчас разложим тряпки поверх отпечатков и придавим их камешками. Можете на меня рассчитывать! — Он положил трубку и снова проворчал: — Кретин!

Поскольку положение мэра автоматически превращало Нуаргутта в представителя судебной власти, он взял пока что расследование в свои руки. Прежде всего надо было собрать показания свидетелей. Разбудили учителя Виллара — ему предстояло стать секретарем. Послали людей на поиски фотографа Корнюсса, потому что первым делом надо было установить, каким образом шуба Деда Мороза, которую он не снимал чуть ли не целые сутки, могла попасть к туристу в бриджах.

Корнюсс спал мертвым сном в своем висащем над улицей доме. Пришлось долго ломиться в двери и, пытаясь перекричать ураган, изо всех сил орать его имя под окнами, прежде чем фотограф пробудился и высунулся наружу.

— Перепил я вчера, вот что! — доверительно сообщил он. — Слово Корнюсса, перебрал, да еще как! — А когда его, наконец, доставили к мэру, он заявил: — Я, как всегда, как каждый год, обошел весь город, мсье Нуаргутт. Потом пришел в церковь. В ризнице застал господина кюре, он держал в руках раку. В зале верхнего этажа распевали детишки. Я спросил господина кюре: "Не сильно запоздал?" Ну, поболтали немножко о разных пустяках... Не понимаю, что вы хотите от меня услышать, господин мэр!.. Поднялся наверх, почтальон отдал мне письма, я нормально сыграл свою роль, а Вирекур — роль Деда с Розгами. Они оба здесь и могут подтвердить...

Оба подтвердили. Учитель прилежно записывал.

— Потом я снял свою шубу, шапку, парик, бороду. Это было в ризнице: я спрятался там с единственной целью — чтобы дети не застучали в момент переодевания. Потом сложил все вещи в пакет, а пакет засунул в стеной шкаф. И после окончания мессы отправился домой спать, потому что, честно говоря, вчера малость перебрал...

— Малость! — возмущенно выкрикнул кто-то из собравшихся.

— Тихо! — приказал господин Нуаргутт.

— Да потому что, господин мэр... — начал ювелир.

— Что случилось, Тюрнер?

— Понимаете... Ну, в общем... Нет! Ничего-ничего, господин мэр! — Ювелир колебался, смущался, косился на лежавший в соседней комнате труп неизвестного, накрытый шубой Деда Мороза. Потом, словно нехотя, прошептал: — Это уж слишком...

Мэр, скорее, прочитал сказанное по губам Тюрнера, чем услышал его слова.

— Эй, Тюрнер! Кажется, вы знаете больше, чем говорите! Если вас что-то удивило в показаниях Корнюсса, будьте любезны заявить об этом официально. И так дело, которым мы занимаемся, черт возьми, чересчур запутанно! Сейчас не время для недомолвок!

— Мне хотелось бы только задать один вопросик Корнюссу, господин мэр...

— Ну и спрашивайте!

Ювелир посмотрел фотографу прямо в глаза.

— Значит, ты говоришь, будто ничего не произошло, когда ты зашел в ризницу, где господин юре рассматривал раку? Так? Да?

— Ничего не произошло.

— Значит, так-таки ты ничего и не заметил особенного? Уверен? Что ты сказал?

— Я спросил: "Не слишком запоздал?"...

— Я не об этом тебя спрашиваю! Я говорю о камнях!

— Каких еще камнях?

— О бриллиантах! Разве ты не сказал, что тебе кажется, будто они стали не так ярко светиться?

— Я?! Я такое сказал?! Да никогда в жизни! Чего это ты придумываешь?

— Это я-то придумываю? Значит, господин юре не прибежал ко мне, не постучал в мою дверь, не позвал меня в ризницу? Значит, я не изучал камни и не вынес приговор: "Эти бриллианты — фальшивые"? Может быть, мне все это пришло в голову?

Гаспар Корнюсс смотрел на Тюрнера, и в глазах его можно было прочесть безмерное удивление.

— Послушайте, он же просто бредит! — наконец воскликнул фотограф. — Ничего такого не было! Он все придумал! Тюрнер с ума сошел!

— Ага! Ага! Теперь я с ума сошел! — закричал возмущенный ювелир. — Знаешь, что, Корнюсс? До сих пор я держал тебя просто за старого дурака, но сейчас задумался: может, ты не дурак, а сволочь, и дураком только прикидываешься? Я могу поклясться, что говорю чистую правду, господин мэр. Бриллианты, которые украшали раку с мощами Святого Николая, похищены! Пойдите и посмотрите сами! Там вместо них обыкновенные стекляшки! Им красная цена в базарный день — пятьдесят франков за пару! И я об этом сказал господину юре. Сказал там, в ризнице, в присутствии Корнюсса!

— А я готов поклясться, что он врет! — заикаясь от волнения, заорал фотограф. — Ничего такого не было! Во всяком случае, при мне, господин мэр. Значит, если кто и украл камни, то это — он сам! Ювелир, ты не ювелир, а вор и бандит!

— Отлично, — вздохнул Тюрнер. — Остается только спросить господина юре.

— Господин юре тяжело болен, — вмешался доктор Рикоме. — Он пережил серьезное потрясение, и я опасуюсь...

— Черт возьми! — торжествующе завопил Тюрнер. — Вот видите: серьезное потрясение! Потому что бриллианты украли! Раз так, пошлите за Каппелем. Его при этом не было, но я знаю, что господин юре посвятил его в суть дела.

Побежали за Каппелем и привели его. На время допроса уход за больным поручили мадемуазель Софи Тюрнер. Показания ризничего в точности соответствовали свидетельствам ювелира. Каппель еще уточнил, что господин юре потребовал пока хранить случившееся в тайне, чтобы не испортить праздника горожанам — уж слишком печальная новость... И ни словечком не намекнул ни на маркиза де Санта-Клауса, ни на истинные причины появления этого последнего в Мортфоне: маркиз, предвидя в скором времени повальные допросы в связи с убийством, объяснил ризничему, что "сдав" его, он ничего не выиграет, а тем более не поможет разрешить загадку, потому что дальнейшие розыскные действия самого маркиза будут сильно затруднены. Зато Каппель, ни словом не обмолвившись о португальце, рассказал о непойманном воре, проникшем в церковь, и об анонимном письме, полученном священником еще раньше.

В кабинете мэра воцарилась мертвая тишина. Только фотограф сопел, как разъяренный бык. Внезапно он подскочил к письменному столу, за которым сидел господин Нуаргутт, и принялся стучать по нему кулаком. Он был в ярости и брызгал слюной.

— Они сговорились! — вопил фотограф. — Они сговорились! Они заодно! Клянусь собственными глазами, что никогда не видел и не говорил ничего подобного! Да вы же меня знаете, господин мэр! Я урожденный мортфонец и ни разу не выезжал из нашего города — только когда служил в армии! Может быть, меня всегда и считали дураком, как говорит Тюрнер, пусть даже и считали, но всякому известно: Корнюсс — честный человек!

Дело дошло чуть ли не до драки. У Корнюсса были свои приверженцы, у Каппеля и Тюрнера — свои. Все перемешалось, люди поносили и оскорбляли друг друга, шум поднялся просто невообразимый. Растерянному господину Нуаргутту только и оставалось вздымать руки к небу и тщетно призывать к спокойствию. Учитель перестал записывать и вышел на минутку из комнаты, а вернувшись, вежливо, но твердо согнал мэра с трибуны, откуда тот взывал к разбушевавшейся толпе, занял его место и приготовился держать речь.

— Друзья мои! — обратился к молчаливой теперь толпе господин Виллар. — Друзья мои! За этой дверью лежит покойник. В нашем городе совершено чудовищное преступление. Мы все собрались здесь, мы — достойные люди и должны вести себя достойно. Ведь пока вы тут ссоритесь между собой, убийца воспользуется предоставленным ему временем и скроется из Мортфона, или, по крайней мере, обеспечит свою безопасность, уничтожив все следы преступления, следы, которые одни только и способны наставить правосудие на правильный путь.

Слова учителя произвели на слушателей глубочайшее впечатление.

— Произошло недоразумение, — продолжал Виллар. — Это прямо-таки бросается в глаза! Но с этим недоразумением мы в ближайшее время разберемся. Как только господин кюре окажется в состоянии отвечать на вопросы, он, несомненно, расскажет, что на самом деле случилось в ризнице.

— Если аббат Фюш хорошененько выспится, и ему не станет хуже за ночь, — сказал доктор, — завтра утром можно будет его расспросить.

— Спасибо, доктор. Слышали, друзья: завтра утром. Наберитесь терпения! Осталось совсем немного. Несколько часов. До сих пор все мы в течение долгих лет и по справедливости считали наших сограждан — Каппеля, Тюрнера и Корнюсса — абсолютно порядочными, честнейшими людьми, не способными совершить аморального поступка. Так неужели же мы сможем поверить, что один из них, зачеркнув столь славное прошлое, украл бриллианты? Я говорю: нет, нет и нет! И я задаю вопрос: разве ничего не означает тот факт, что незнакомца, задушенного у входа в подземелье, обнаружили одетым в шубу Деда Мороза? Какое можно дать этому объяснение? Я могу найти только одно, причем очень простое. Объяснение, которое примирит всех, и над которым я предлагаю вам всем поразмыслить. Итак... Незнакомец напялил на себя шубу, шапку, парик и бороду Деда Мороза лишь для того, чтобы сойти за Корнюсса. Согласитесь, проще не придумаешь! Я убежден, что Корнюсс не крал бриллиантов. Но я в равной степени убежден в том, что Каппель и Тюрнер говорят правду. Что же получается? Получается, что наши сограждане, друзья мои, стали жертвами ловкой махинации. Я предлагаю вам гипотезу, которая способна привести к согласию Каппеля и Тюрнера с Корнюссом. Человеком, проникшим в ризницу под видом Деда Мороза, был вовсе не Корнюсс, а незнакомец, которого впоследствии задушили. Именно он и украл бриллианты. Добавлю, что у вора явно был сообщник. Этот сообщник и убил его поблизости от

подземного хода, через который злоумышленники собирались бежать и скрыться из города. Отсутствие при убитом какого-либо удостоверения личности ясно говорит о том, что его одежду тщательно обыскали. Это тоже мог сделать только сообщник — уже после убийства, мотивом для совершения которого — должен ли я говорить об этом? — была неутолимая алчность. Убив этого человека, его сообщник избавлялся от необходимости делить с ним добычу.

Учитель, закончив речь, раскланивался, собравшиеся рукоплескали, многие кричали: "Браво, браво, Виллар!"

— Тысяча извинений, мсье Виллар, — запинаясь начал Корньюс. — Я от души благодарю вас за хорошие слова в мой адрес, но... но я все-таки не понимаю!

— Чего же вы не понимаете, мой дорогой?

— Вот чего. По-вашему выходит, что вор притворился мною, переодевшись в мою шубу, и забрался в таком виде в ризницу...

— Совершенно точно.

— Но тогда... А я? Я-то где был в это время?

— Как — где? Но... Не знаю... Вы...

— Вот именно: я тоже не знаю. Должен сказать, что я ни на минуту вчера не снимал с себя этой красной шубы, господин учитель, а еще — что в городе другой такой красной шубы нет и в помине. И та, которую вы сейчас держите в руках, определенно моя... Неужели вы думаете, я могу не узнать ее — шубу, которую надеваю каждое Рождество вот уже добрых пятнадцать лет? Ну, и как вы тогда все это объясните? Получается-то что? Получается, грабитель мог достать шубу из стенового шкафа только после детского праздника, до того ее там просто не было.

— Предположим, — перебил его учитель, — что незнакомец каким-то образом раздобыл точно такие же шубу, шапку, парик и бороду, как у Корньюса. Он мог проникнуть в ризницу, пока Корньюс исполнял свою роль наверху. Иными словами, существовало одновременно два Деда Мороза. Аббат Фюш думал, что беседует с Корньюсом и...

— Ох, — жалобно простонал мэр. — Темное дело... Тут сам черт ногу сломит.

В этот момент зазвонил телефон.

Звонили оперативники из полиции Нанси, выехавшие на машине в Мортфон. Они сообщали, что на дороге жуткие снежные заносы, и никак не проехать. Двигаться вперед невозможно из-за метели и кромешной тьмы. Следовательно, им придется подождать в Домбале первого утреннего поезда и доехать до Сире, откуда они уж как-нибудь да доберутся до места преступления.

Когда мэр передал собравшимся полученную информацию, Копф усмехнулся и молча показал на окна, за которыми бушевала снежная буря.

— Если погода до утра не улучшится, инспекторам никак не удастся пробраться к нам даже из Сире. А мы останемся здесь в изоляции — наедине с этим убитым немцем в белом свитере и драповых штанах...

— Ну и пусть! — энергично отпарировал учитель. — Если полиция не придет, значит, мы справимся сами. Сами разгадаем эту загадку! Думаю, что пора отправиться к господину юре. Если священник сможет ответить на наши вопросы, мы, по крайней мере, поймем, что на самом деле произошло в ризнице. В противном случае, ничего не останется, как набраться терпения и подождать, пока все разъяснится.

У изголовья больного горела керосиновая лампа. Аббат Фюш метался в постели. Мадемуазель Турнер приложила палец к губам, требуя тишины. Доктор склонился над священником:

— Ну, как наши дела, господин кюре? Как вы себя чувствуете?

— Кажется, немножко лучше, доктор, — слабым голосом ответил тот.

Доктор, взяв за руку пациента, принялся считать пульс.

— Очень хорошо, — сказал он минуту спустя. — Пульс выравнивается. Когда расцветет, вы сможете подняться с постели.

Врач вышел из комнаты и в коридоре прошептал пришедшим вместе с ним:

— Состояние его улучшается... Тем не менее, я думаю, что еще рановато... Ну... Только если вы считаете абсолютно необходимым...

— Нет, нет, конечно же, нет! — таким же шепотом воскликнул мэр. — Это было бы бесчеловечно! Подождем до утра...

И все разошлись по домам, хотя на душе у каждого было очень и очень тревожно.

Утром маркиз де Санта-Клаус явился в дом священника одновременно с господином Нуаргюттом, Вилларом, доктором Рикоме, Тюрнером, Каппелем и Корньюсом. Они намеревались расспросить аббата Фюша о том, что произошло накануне в ризнице между десятью и одиннадцатью часами вечера.

Оказавшись в непосредственной близости от ризничего, маркиз вдруг заметил, что тот исподтишка бросает на него подозрительные взгляды, и это ему совершенно не понравилось. Но стоило ему самому в упор взглянуть на Каппеля, ризничий тут же отвел глаза и отвернулся.

Несмотря на бушевавший всю ночь ураган, священник неплохо спал и к утру почувствовал себя лучше.

Слабым голосом, но без тени сомнения, священник подтвердил, что Каппель и Тюрнер говорили чистую правду. Все факты изложены точно. Кража бриллиантов была обнаружена именно при тех обстоятельствах, о которых они рассказывали. Один факт можно считать доказанным: упрямство, проявленное Корньюсом в отрицании очевидного, можно объяснить только приступом безумия или соучастием в ограблении, а может быть, даже и в убийстве.

Учитель склонялся к первой, более гуманной версии: Корньюс помешался, у него "крыша поехала", как любил говорить Ажен. Мэр, напротив, готов был принять скорее вторую. По его мнению, Корньюс под воздействием побуждения, часто возникающего у людей определенного возраста, до того вполне безразличных к искушениям богатством, оказался втянутым в кражу.

— А теперь притворяется идиотом! Логично. Нормально для человека, лишенного изобретательности. Ему повезло, что у него хорошая вообще-то репутация, а то я бы приказал посадить его под замок. Но он свое получит — недолго ждать. Вот приедут полицейские из Нанси, они его быстро выведут на чистую воду. А пока...

Каппель увлек маркиза за собой в сад при доме священника.

— Вы все еще надеетесь найти ее? — спросил он шепотом.

— Кого "ее"?

Ризничий ткнул пальцем в небо:

— Спроси Пастушью Звезду и...

— ... и найдешь Золотую Руку! — закончил фразу Санта-Клаус. — Нет, Каппель, я не отказался от поисков этой реликвии. Более того, я уверен, что она замурована в стене не где-нибудь, а именно в Мортфоне.

Маркиз по-прежнему чувствовал, что ризничий смотрит на него с подозрением, и его точила неотвязная мысль: "Что у него там творится в башке, у этого парня?"

А Каппель тем временем заговорил:

— Пожалуйста, господин де Санта-Клаус... Если не трудно, исполните мою просьбу... Признаюсь, я стал меньше доверять своей ореховой палочке. И я поду-

мал, что, может быть... Может быть, вы будете так добры, что одолжите мне ваш детектор... Мне бы хотелось провести один эксперимент...

— Охотно, охотно, Каппель!

Ризничий рассыпался в благодарностях, но маркиза было трудно провести. Он сразу же заметил, что выражение лица Каппеля резко изменилось.

"Ага, приятель, — подумал "благородный португалец", — ага! Ты готовишь мне ловушку... Но ни черта у тебя не выйдет! Не на такого напал! Давай, давай..."

Он протянул ризничему руку:

— Простите, мне пора на встречу с господином Вилларом. Он обещал показать мне некоторые исторические документы, связанные с этими краями.

Учитель у дверей мэрии болтал с доктором, сельским полицейским и самим господином Нуаргуттом. Но, едва увидев маркиза, последний поспешно удалился.

— По-моему, ваш мэр испытывает по отношению ко мне весьма умеренную симпатию, — пошутил Санта-Клаус.

Трое мужчин покатались со смеху.

— Мне кажется, — сказал учитель, — мне кажется, что мсье Нуаргутт полагает, будто вы внушаете некоторое подозрение, да будут мне позволены столь дерзкие слова, господин маркиз!

— Подозрение?! Он подозревает меня в воровстве, а может быть, и в убийстве? А мне-то казалось, будто он убежден в виновности Корнюсса...

— Нет, тут уж вы хватили лишку, господин маркиз! Хотя... Конечно, у господина мэра богатая фантазия...

— Слушайте, давайте поговорим серьезно, дорогой господин Виллар. Поскольку вы сами мне предложили, я бы хотел, не откладывая дела в долгий ящик, познакомиться с городской библиотекой.

— Небогатая она у нас, — заметил Рикоме. — Что там? Отдельные издания Жюль Верна, Майн Рида, Уэллса, ну, и, разумеется, Эркманн-Шатриан...

Зайдя в мэрию и проходя мимо запертой на ключ двери, Виллар вздрогнул.

— Он здесь...

— Человек, которого...

— Ну да!

— И по-прежнему никакой ясности?

— Никакой. Кто он — неизвестно. Тайна... Не скрою, буду рад, когда приедут полицейские! Вдохну с облегчением...

— Говорят, он похож на немца, — заметил маркиз.

— Как две капли воды! Хотите посмотреть?

Учитель отпер дверь и открыл ставни.

Труп лежал на столе лицом вверх.

Маркиз де Санта-Клаус медленно обошел вокруг стола, всматриваясь в него. Доктор указал пальцем на шею, где темными неровными пятнами выделялись следы от пальцев преступника.

— Я слышал, полиция добивается удивительных результатов, изучая отпечатки пальцев, — произнес Виллар.

— Да, конечно... Вот только на коже не остается отпечатков пальцев...

Маркиз внимательно рассмотрел лицо с германскими чертами. Потом приподнял голову "немца", мягко опустил ее на стол и сказал:

— А что если нам пойти посмотреть книги, господин учитель?

Виллар охотно проводил его в библиотеку, чтобы познакомить маркиза с его скромными богатствами.

Маркиз что-то отвечал на вопросы своего гида, задумчиво читал названия книг, доставал со стеллажей и листал отдельные тома, говорил пару слов об авторе, но видно было, что мыслями он далеко от книжных полок. Мыслями он оставался в пустой холодной комнате, где покоилось тело человека, "свалившегося с неба".

— Смотрите-ка, — остановился он на одном из корешков, — да у вас тут и Шекспир есть!

— Есть, есть, как не быть! — с забавной гордостью подтвердил учитель.

Глава 5. Стратегия и тактика

Буря, наконец, успокоилась, видимо, захлебнувшись собственной яростью.

Маркиз де Санта-Клаус пребывал в глубокой растерянности.

"Зря я впутался в эту историю! — думал он. — Дело в том... Ах, черт! Дело только в том, что я уже слишком стар! Сорок лет! Старик, куда тут денешься".

После обеда он отправился ко входу в подземелье, туда, где Жюль Пудриолле с приятелем обнаружили труп немца. Теперь здесь было безлюдно. На том месте, где всего двенадцать часов назад лежал бездыханный незнакомец, "свалившийся с неба", теперь стоял огромный снеговик с трубкой во рту и с метлой под мышкой. Маркиз весьма серьезно осмотрел его. Потом, все с той же серьезностью, наклонился и поднял пригоршню снега. Слепил снежок. Сначала изо рта у снеговика вылетела трубка. А когда маркиз уходил, помимо трубки, у него доставало головы и метлы.

— Отлично! И не стареем, а молодеем мы с каждым днем! — напевал про себя маркиз, растирая покрасневшие от снега руки.

Впрочем, хорошее настроение сохранилось ненадолго. Вернувшись в город, он обнаружил, что за ним внимательно наблюдают: при его появлении люди собирались в кучки и начинали перешептываться. Атмосфера становилась явно враждебной.

Часов в шесть маркиз зашел в церковь, поднялся по шаткой лестнице на колокольню и уселся верхом на стропило, чувствуя затылком ледяное прикосновение бронзового колокола. Выглядывая в просвет между двумя балками, он мог видеть, что происходит снаружи. Стемнело. Светящиеся точки усеяли очистившееся небо, а ближе к земле загорались лампы в домах. По улицам медленно проплывали автомобили, красноватый свет их фар напоминал неторопливые блуждающие звезды.

Маркиз вспомнил строчки из колдовской книги: "Спроси Пастушью Звезду, и ты узнаешь, где искать Золотую Руку..." Так, что ли?

Он опустил глаза. Все было видно как на ладони. В доме священника светились два окна: кухни и спальни. Аббат Фюш лежал в постели. Его голова в ночном колпаке из хлопчатобумажного трикотажа медленно перекачивалось по подушке... Капель на кухне готовил более чем легкий ужин... Маркиз долго всматривался в силуэт ризничего, который из-за сильной близорукости и ступал неуверенно, и руки протягивал, словно ощупывая воздух...

Потом Капель погасил в кухне свет и с подносом в руках отправился в спальню. Он принес священнику чашку бульона, яйцо всмятку, джем в вазочке, стакан минеральной воды. После ужина подал травяной отвар. Потом включил ночник у изголовья больного, подбросил дровишек в камин и вышел.

Маркиз собрался было спуститься с колокольни, но тут заскрипела дверь, потом в церкви послышались легкие шаги — такие, словно кто-то шел крадучись, и он передумал, решив, что ризничий, наверное, совершает вечерний обход. Подождал, задумчиво глядя в окно спальни священника, и вдруг остолбенел.

Еще бы! Он увидел, как почтенный аббат вылезает из-под одеяла и в одной сорочке, с болтающимся на шее помпоном ночного колпака, босиком идет по комнате. Останавливается перед скамеечкой для молитвы, чуть наклоняет голову, будто прислушиваясь. Потом широко улыбается. Маркиз был страшно заинтригован. Присмотревшись, он разглядел, как священник склоняется над скамеечкой для молитвы, открывает шкафчик и достает оттуда стакан и бутылку, до половины наполненную какой-то жидкостью, ничего общего не имеющей ни с минеральной водой, ни с травяным отваром...

Вот отец Фюш наполняет стакан, жадно глотает... Потом отправляет на место стакан и бутылку, снова проходит на цыпочках по комнате, залезает под одеяла и замирает...

“Черт побери! Странную диету установил для себя господин кюре! Боюсь, что это лекарство, которое он только что проглотил в немалых количествах, отнюдь не прописывают сердечникам!”

Маркиз спустился по лестнице и оказался в церкви, где больше не слышалось ни единого шороха. Поколебавшись, он направился к главному алтарю и вошел в ризницу. Дверь, выходящая во двор, оказалась не запертой на ключ. Маркиз открыл ее, вышел и в ту же секунду, неожиданно получив дубиной по лбу, растянулся на земле.

К счастью, поля шляпы ослабили удар.

Он чувствовал, как чьи-то руки обшаривают его одежду, проникают в карман, где лежит бумажник, чувствовал жар чужого дыхания на лице. Изловчившись, он схватил грабителя за запястья, вскочил на ноги и, смазав ногой по коленям, уложил его перед собой. Тот вырывался, верещал...

Высвободив одну руку, маркиз залез в карман куртки, достал оттуда фонарик, нажал на кнопку. И — во второй раз за этот вечер — раскрыл рот от удивления: оказывается, напал на него не кто иной, как Блез Каппель! Маркиз прошелся лучом фонарика по мерзлой земле и добрался до лежавшей рядом ходули.

— Да что ж это такое? У вас просто мания! — воскликнул он. — Или вы дали обет — погубить меня ударом ходули? Ради Бога, в следующий раз возьмите другое оружие!

— Вы мошенник, вор и убийца, — мрачно проговорил ризничий, тщетно пытаясь освободиться и морщась от боли.

— Мошенник?

— Да. Мне точно известно, что никакой вы не маркиз де Санта-Клаус... Я это понял еще сегодня утром, когда следил за вами. У маркиза на лбу осталась шишка от удара ходулей, нанесенного мною вчера, а у вас никакой шишки нет. Каким бы вы ни были ловким, обман не удался: о шишке-то вы забыли позаботиться!

Маркиз выпустил руки Каппеля и разразился смехом.

— Значит, вот почему вы весь день за мной следили? Успокойтесь. Я точно такой же маркиз де Санта-Клаус, как тот маркиз де Санта-Клаус, с которым вы знакомы. Это был мой секретарь. Когда меня попросили приехать сюда и понаблюдать за тем, что здесь происходит, я решил, что он с этим справится не хуже меня, и послал его. Но когда речь зашла о преступлении, в дело должен был вступить Проспер Лепик собственной персоной.

— Но какое ужасающее сходство... — пробормотал ризничий.

— Этого не так уж трудно добиться. Сейчас открою вам секрет. Надо было только вообразить лицо, представляющее собой нечто среднее между моей физиономией и физиономией моего секретаря. Было куда легче “встретиться на полпути”, взяв от каждого понемножку, чем одному из нас преодолевать все разделяющее

нас расстояние. Лицо маркиза де Санта-Клауса — это "нечто среднее" между нами. Понимаете? Среднее, если говорить о нашем сходстве и различиях между нами. Чуть-чуть от моего секретаря, чуть-чуть от меня самого, и — пожалуйста, дело сделано. Самым трудным было добиться того, чтобы нельзя было отличить нас по глазам и по голосу. Но пенсне на носу и португальский акцент придуманы не зря! Вот только этот дурак забыл предупредить меня про шишку на лбу, а как я мог догадаться? Остается только поздравить вас с тем, что вы так хорошо для близорукого видите...

Не прошло и двух минут, как установилось полное взаимное согласие. Каппель настоял на том, чтобы маркиз зашел к нему, где они вместе "хлопнули" по рюмашке, и Санта-Клаус отправился к "Святому Николаю".

Еще в коридоре он услышал, как в его номере верещит телефон.

Маркиз вбежал в комнату и схватил трубку.

— Алло! Алло! Это маркиз де Санта-Клаус из Мортфона?

— Так точно. А вы кто?

— Маркиз де Санта-Клаус из Парижа!

— Черт! Что случилось?

— Ничего страшного, мсье. Я кое-что забыл сказать вам вчера, когда мы расставались. Забыл сообщить о том, что ризничий, шарахнув меня ходулей по лбу, оставил там хорошенькую метку, ближе к правому виску...

Маркиз де Санта-Клаус из Мортфона почесал шишку и ответил:

— Не имеет значения... Все необходимое уже сделано...

Спустившись затем вниз, он увидел Ажена, только что пришедшего в отель. Мясник хмуро уставился на маркиза, потом отвернулся и попросил:

— Налей-ка мне чашечку кофе, Коф. И мирабелевой настойки тоже. — И добавил таким тоном, будто сообщал нечто двусмысленное: — Знаешь последнюю новость? Вроде бы наш кюре представился сегодня ночью...

Маркиз де Санта-Клаус быстро оделся и побежал в дом священника. Там уже собрались доктор Рикоме, Каппель, мэр, Тюрнер с сестрой и Вирекур. Ризничий выглядел растерянным и подавленным.

— Не понимаю, как... почему... Еще вчера вечером господин кюре...

— Сердце, — вздохнул доктор. — Слабое сердце... Добавлю, что меня куда больше удивляет, как аббат смог так долго продержаться... Изумительный человек!

— Увы! Посмотрите, что мы обнаружили...

Ризничий подошел к молитвенной скамеечке, — той самой, в ящике которой священник в тайне от всех хранил выпивку, — и вытащил оттуда добрую дюжину пустых бутылок с этикетками: "Вогезская Мирабель".

— Вот! — горестно покачав головой, проговорил Каппель. — До чего мы ничтожны! Нет, только подумайте, до чего мы ничтожны! Если бы только я мог заподозрить, что бедный старик выпивал...

Вот уже пять минут маркиз тщетно стучался в дверь Корнюсса. Фотограф не желал открывать.

— Прекратите! — кричал он. — Немедленно прекратите! И убирайтесь! Не хочу никого видеть!

Устав стучать, маркиз попытался открыть задвижку. С той стороны раздался дикий вопль:

— Не смейте входить! Разбойники! Режут! Убирайтесь, а то будет хуже!

Справившись с задвижкой, маркиз де Санта-Клаус зашел и прикрыл за собой дверь. Корнюсс стоял в угрожающей позе, размахивая штативом от фотоаппарата.

— Ладно-ладно, успокойтесь, папаша Корнюсс, я не сделаю вам ничего плохого!

— Какого черта — “успокойтесь”! С меня хватит! Я не привык, чтобы в меня тыкали пальцем, как в вора! Я прожил в Мортфоне пятьдесят лет и ни разу не трогал даже сантима у ближнего, а теперь мне кричат прямо в лицо: “Вор!” Вот несчастье-то, вот беда! — Он с силой ударил штативом по столу.

— Но, папаша Корнюсс, я-то ведь убежден, что вы абсолютно порядочный человек. Именно потому и пришел к вам: хочу с вашей помощью прояснить кое-какие обстоятельства дела.

— Чего тут прояснять? — горько произнес фотограф. — Все и так ясно. Воры — Каппель и Тюрнер. — Он широким жестом обвел идиллические открытки и трогательные фотографии, развешанные по стенам, словно призывая их свидетельствовать в свою пользу. — Сказать такое мне! Обо мне! Сказать такое!

— Послушайте, папаша Корнюсс, сейчас вам надо успокоиться и напяречь память.

— А вы что — из полиции? — подозрительно спросил фотограф.

— Нет, не из полиции. Просто хочу помочь вам, раз уж вы попали в такое затруднительное положение.

У маркиза в руках появилась бутылка красного. Он взял два стакана и наполнил их.

— Ваше здоровье, Корнюсс!

— Ваше здоровье, маркиз!

Они выпили. Сели. Фотограф поставил локти на стол, обхватил ладонями лицо.

— Вы честный человек, Корнюсс, абсолютно порядочный, — повторил португалец. — А теперь слушайте меня внимательно. Блез Каппель, ризничий, и Макс Тюрнер, ювелир, тоже честные и порядочные люди.

— Нет, нет и нет! Каппель и Тюрнер — лжецы и преступники!

— Тихо, тихо! — поднял палец маркиз. — Мы будем говорить серьезно? Перестаньте злиться. Каппель и Тюрнер честные люди, и вы это знаете не хуже меня, так?

— Ну, допустим.

— Значит, существует вор, но это не вы, не Каппель и не Тюрнер.

— Естественно! Кто-то же должен был украсть эти чертовы камни!

Они выпили еще по стаканчику.

— Позавчера вечером, Корнюсс, вы обходили поочередно все дома в городе...

— Ну да, как всегда, как каждый год... Я начал с улицы Трех Колодцев, обошел центральную площадь, поднялся по Банной улице, потом зашел на Печную, навестил мэра, добрался до школы, зашел к доктору, потом к господину барону де ла Фаю, хотя там и нет детишек, потом спустился на Рыночную, ну, и так далее. Я ничего не пропустил, а что?

— Отлично. Когда вы обошли все дома, то...

— То отправился в ризницу, оттуда поднялся в зал, где проходил детский праздник, сыграл свою роль, спустился вниз и присутствовал на полночной мессе. Все было как всегда, я уже сто раз повторил это. Может быть, на этот раз я чуть больше обычного выпил, признаю, но в остальном... Я вернулся домой сразу же после мессы и дурацкого концерта Виллара: городской духовой оркестр, знаете? Ну и чудак же этот Виллар! Каждый год после полночной мессы повторяется одно и то же: “Походная песня”!

Маркиз бросил острый, пронизывающий взгляд на фотографа. У португальца явно возникло какое-то подозрение. Неужели ключ к разгадке сам идет к нему в ру-

ки и даже раньше, чем он рассчитывал? Вот-вот всему этому можно будет найти удивительно простое объяснение!

— Скажите, Корнюсс... Действительно — всегда "Походная песня"? Никогда ничего другого?

— Говорю же вам: все как по рельсам! Никогда!

— А вот и нет, Корнюсс. На этот раз вы не расслышали: господин Виллар в нынешнем году изменил программу, он включил в "Походную песню" отрывки из "Карманьолы" и "Са ира!"... И даже неплохо получилось...

Корнюсс покачал головой.

— Ничего я не ошибся. И Виллар вовсе ничего такого не делал. Я прослушал всю музыку до конца.

Ага, значит, загадочные противоречия продолжают! Сначала Корнюсс, будучи в ризнице, не видел того, что видели Тюрнер и Каппель. Потом, находясь на площади, не слышал тех мелодий, которые ясно слышали все присутствовавшие. И готов поклясться в том, что Виллар и не думал вставлять в программу ни припева из "Карманьолы", ни "Са ира!"...

Маркиз откинулся на спинку стула и закурил сигарету.

— Сейчас я расскажу вам одну очень миленькую историю, Корнюсс. Историю, которая не так давно случилась со мной самим. Дело было в одном большом кафе в Париже...

— Я никогда не был в Париже, — нахмурился Корнюсс.

— Не имеет значения. Я пришел в это кафе, проспав всего несколько часов, чтобы встретиться там с приятелем, с которым до того пил всю ночь. Сами понимаете, выпито было немало. И вот этот приятель говорит мне: "Маркиз, я буду тебе весьма благодарен, если ты вернешь мне пятьсот франков, которые занял сегодня ночью". Я подумал и вспомнил, что действительно занимал деньги. Я был хорошо на взводе, когда просил и брал в долг, но, тем не менее, вспомнил сцену во всех деталях. Поэтому вытащил из бумажника купюру и протянул приятелю, а он вдруг расхохотался. "Да ничего ты мне не должен! Я пошутил. Я и впрямь давал тебе пятьсот франков в этом баре и в этот час, но дело было месяц назад, и ты мне все давно вернул!"... Моему другу стоило огромного труда переубедить меня!

— Да, смешная история, — сказал фотограф и засмеялся: он ничего не понял.

— Ваше приключение, Корнюсс, точь-в-точь повторяет мое.

— Это как?

— Позавчера вы действительно начали ваш рождественский обход города, но не закончили его. В каком-то пункте вашего "путешествия" кто-то, кто хорошо знал ваш маршрут и вашу роль на детском празднике, воспользовавшись тем, что вы уже сильно навеселе, напоил вас совсем уже до положения риз, может быть, даже подсыпал вам какого-то наркотика и, переодевшись в ваш костюм, закончил за вас обход. Потом он привел вас сюда в почти бессознательном состоянии. А назавтра, проспавшись, вы совершенно естественно и абсолютно честно приняли утверждать, что обошли все дома до последнего и были в ризнице. Но вы перепутали даты! Все, что вы вспомнили, относилось к прошлогоднему Рождеству, а не к нынешнему! Это совершенно точно и, именно потому, что ваш костюм и ваш маршрут в течение пятнадцати лет неизменны, ваши слова и жесты строго выверены, пользуясь опять же вашим собственным выражением, все "накатано, как по рельсам!"... Вот только в нынешнем году все было по-другому. Сначала в ризнице. Потом на концерте духового оркестра: Виллар добавил припев из "Карманьолы" и "Са ира!". Если учитывать все эти факты, сомнений не остается: вы не можете вспомнить некоторых событий, потому что такого никогда прежде не бывало...

Взволнованный Корнюсс залепетал:

— Нет, это невозможно! Скажите лучше, что я просто съехал с катушек! Что вы такое говорите? Я отлично помню, как мы выпивали с Аженом. Говорили о деньгах, о кризисе...

— В прошлом году!

— Ничего подобного: позавчера! И потом я выпивал с папашей малыша Пудриолле. Парнишка так гордился тем, что ему впервые сшили длинные брюки!

— В прошлом году!

— Черт побери! А я вам говорю, что это было позавчера! Погодите-погодите, у мэра мы говорили о ближайших выборах... Ну и... Черт! Погодите! Мы не могли говорить о будущих выборах, потому что... потому что... ну, потому что они уже прошли. А он мне говорил о выборах, которые только должны состояться...

— В прошлом году!

— Черт побери! Может быть, и так... Но в таком случае, о чем мы беседовали с мэром в нынешнем? Не помню... Какая-то дырка в голове... Что же такое он мог мне сказать?... Погодите-погодите, я вспомню... Вот мы сидим за столом... Пьем, как обычно...

— Это было в прошлом году!

Корнюсс стукнул кулаком по столу.

— Сколько вам говорить, что был я, был у мэра позавчера! Доказательство? Пожалуйста! Я всегда сначала иду к мэру, а потом к доктору и к господину барону. И я там был — у обоих! Мсье Рикоме рассказал мне, что все-таки собирается купить машину.

— В прошлом году!

— В этом! Потому что у него до сих пор нет никакой машины! А в замке... В замке я слышал, как Августа говорила о какой-то бальной туфельке, которую никак не может найти. Туфельке для малютки Арно, для ее маскарадного костюма. Что — будете утверждать, будто господин барон в прошлом году приводил малютку Арно на бал к "Святому Николаю"? Это было позавчера! — Фотограф поддал ногой стул, тот с грохотом упал. — Нет, вы послушайте, послушайте! Так не годится! Я больше ничего не понимаю! Что, в конце концов, случилось? Где я был? Где я не был? Не понимаю! Послушайте, в конце-то концов, нет ведь двух Корнюссов! Это я — Корнюсс, господин маркиз! И Дед Мороз — это тоже я!

Он окончательно потерял голову, метался по комнате, хватался за свои фотографии, потом недоверчиво пробегал дрожащими пальцами по собственной груди, словно желая убедиться, что на самом деле существует. Все ускользало от него. Все таяло и расплзалось...

Когда маркиз ближе к обеду явился в замок барона, чтобы порыться наконец в семейных архивах де ла Фая, он нашел на столе несколько стопок старинных пергаментов, дневники с пожелтевшими страницами, какие-то сборники...

Барон — само радушие — воздержался от комментариев.

— Ройтесь, ройтесь в этих бумажках, дорогой маркиз! Ройтесь в свое удовольствие! Не бойтесь помянуть документы местами — ничего страшного... И вот вам бумага и чернила — можете делать выписки.

Потом он сам уселся у камина и погрузился в чтение "Жизнеописания суперинтенданта Фуке", недавно вышедшего из печати. Хотя, казалось, история очень его интересует, он не забывал и о госте: время от времени поднимал глаза от книги и внимательно всматривался в маркиза, склонившегося над пергаментными, исписанными выцветшими чернилами или исчерченными старинными планами.

Маркиз сделал только одну выписку на любезно предоставленной ему бароном бумаге. Нет, это была не выписка, это был рисунок! Очень простой рисунок: звезда с четырьмя лучами.

Когда маркиз отклонялся, приняв приглашение прийти вечером на ужин, барон с иронией заметил:

— Погодите уходить! Вы кое-что забыли, дорогой маркиз!

— Что же я забыл?

— То единственное, что откопали в моих архивах, — вот эту звезду...

— Сдается мне, что вы не верите легенде об утраченной реликвии? — спросил господин де Санта-Клаус.

— Вот уж точно: ничуть не верю! А вы?

Глаза маркиза, спрятанные за стеклышками, пенсне, сверкнули:

— Как знать, барон...

Он взял листок со стола, аккуратно сложил его и с самым серьезным видом спрятал во внутренний карман.

После обеда маркиз де Санта-Клаус решил подышать воздухом. Он уселся на скамью на центральной площади и принялся наблюдать за детишками, которые бегали вокруг, визжа, шмыгая покрасневшими носами и то и дело пряча руки в карманы, набитые испеченными в золе каштанами.

Мимо прошли Нуаргутт с Вилларом. Учитель поклонился маркизу, мэр надвинул поглубже на голову шляпу и нахмурился. Из подошедшего автобуса вышел худой и бледный священник едва ли старше двадцати пяти лет. Он приехал заменить аббата Фюша. Шофер с чемоданом в руке отправился проводить его к дому покойного.

Мэр метал громы и молнии, бегая туда-сюда перед доктором Рикоме и Вирекуром. Рокот мотора заставил его остановиться.

— Ну, наконец-то, на этот раз полицейские... — воскликнул он и осекся. — Нет, нет...

— Кто в машине? — ехидно спросил доктор.

Это оказалась "Скорая помощь", вызванная два дня назад для того, чтобы перевезти больного священника в больницу.

— Вы приехали слишком поздно, мой мальчик! — грустно сказал водителю доктор Рикоме. — Нам больше не нужна "Скорая помощь". Теперь нам нужен катафалк...

Мэр дрожал от бешенства.

Запершись в своем номере, маркиз де Санта-Клаус делал приписку к визитной карточке, на которой было напечатано следующее: "Мсье ПРОСПЕР ЛЕПИК, парижский адвокат". Далее последовало: "... и бывший маркиз де Санта-Клаус приветствует вас. Пользуясь установившимися между нами к этому дню превосходными отношениями, он ставит вас в известность о том, что теперь ему ясна подоплека всего случившегося недавно в Мортфоне. Он обращает ваше внимание на то, что в связи с этим находится в лучшем положении, чем любой его собрат по профессии, на случай, если потребуется эффективная защита в суде присяжных по известному вам делу".

Маркиз положил записку в конверт и заклеил его. Поколебался. Посмотрел на свое отражение в зеркале шкафа и посоветовался с ним.

— Ну, и что будем делать, маркиз? Какое принять решение? Послать письмо адресату? Подумайте хорошенько. С одной стороны, я рискую своей благородной шкурой, и если ее продырявят, то вместе с ней и вашу... А с другой, это вообще не-

сколько странный поступок... Но соблазнительно, до чего соблазнительно! Вот уж, скажем прямо, искушение! Ну, и что скажете? Думаете, надо передать карточку? Ах, ты, Боже мой, да ведь вы любитель азартных игр!.. Ну, что — решено? Вы со мной согласны? Отлично!..

Маркиз встал, вышел из гостиницы, пересек кратчайшим путем город и сунул конверт под дверь одного из домов.

Рейсовый драндулет уже давно отправился в Сире, "Скорая помощь" вернулась в Нанси. Было около пяти часов вечера. Мэр сидел за письменным столом и строил полное желчи и яда письмо префекту. Внезапно послышался рокот мотора, и его перо повисло в воздухе. Незвестный автомобиль ревом sireны приглашал все местное население на площадь. Мэр подбежал к окну и сразу же увидел, как туда, подобно метеору, врывается длинная темная машина.

Какой-то мальчишка заорал:

— Полицейские! Полицейские!

Тут же, будто из-под земли, выросли еще с полсотни ребятишек. И все хором завопили.

Автомобиль, сделав крутой вираж и отчаянно завизжав тормозами, остановился у подъезда мэрии. Из него вышли двое пузатых мужчин. Оба курили трубки. Один сказал другому:

— На пятнадцати последних километрах пришлось выжать аж шестьдесят в час! На такой дороге это просто немислимо!

— Немислимо? Вполне возможно, — прозвучал откуда-то с неба саркастический ответ. — Зато пятьдесят километров за двое с половиной суток — оказалось более чем мыслимо! Ваши способности дурачить людей делают вас просто чемпионами! Можно занести ваш подвиг в книгу рекордов!

Полицейские задрали головы кверху и вынули из зубов свои носогрейки.

— Вы, очевидно, господин мэр?

— Естественно, мэр. Мэр и никто иной. Господа, я от природы не любопытен, но сейчас просто сгораю от желания узнать, каким образом, выехав из Нанси, города, который находится на севере по отношению к Мортфону, вы смогли потерпеть аварию в Баккара, расположенном к югу от Мортфона, и, в конце концов, приехать снова с севера. Если я правильно понял, вы описали окружность?

Теперь на площади собралось уже все население Мортфона. По толпе прокатился сдавленный смех. Но полицейским это, вроде бы, было безразлично.

— Сейчас объясню, господин мэр. Да, действительно, как вы говорите, нам пришлось описать окружность. Понимаете, до самого Баккара нас просто преследовали несчастья: снежная буря, авария на железной дороге, нехватка бензина, лопнувшая шина, проблемы с двигателем, ну, и так далее.

— О, Господи, но с утра-то, с утра? От Баккара до Мортфона ровно тридцать километров! Дороги теперь в порядке. Буря и метель давно закончились. Даже старые развалюхи оказались способны пробраться сюда. А вам понадобилось все утро и полдня, чтобы проехать тридцать километров?

— С утра, господин мэр, мы проделали более двухсот километров!

Эти слова необычайно обрадовали население Мортфона.

— Двести километров! Теперь все ясно. Вы сделали очередной крюк: попытались попасть сюда через Германию и Швейцарию, и таможенные формальности, а также проблемы с паспортами заставили вас немножко задержаться, так?

К величайшему изумлению мэра, полицейские нисколько не возмутились, они рассмеялись.

— А вы весельчак, господин мэ́р! Нет, все куда проще. Мы заблудились. Ни один из нас не знает местности, а все дорожные знаки спрятаны под снегом... В полях пусто... На дорогах — никого, кто мог бы подсказать...

— Потрясающе! И, наверное, вы предполагаете, будто все, что касается преступления, все следы остались в "первоначальном состоянии", как вы того требовали? Положение трупа... Тряпки на отпечатках, прижатые четырьмя камешками, чтобы не улетели... Ой, держите меня, я сейчас умру со смеху!

— Но если говорить об убийце, господин мэ́р...

— Вы должны были с ним встретиться в пути! — произнес кто-то сзади.

По толпе прокатилось страшное волнение.

— Как? Что? Это еще кто? Кто осмелился? — забормотал мэ́р.

— Я! — воскликнул маркиз де Санта-Клаус. — Я утверждаю, что этим господам не повезло. Вот уже час, как убийца отбыл из города в направлении к Нанси.

— Боже! Боже! — завопил мэ́р. — Что за дурные шутки, господин маркиз? Я уже, кажется, просил вас не вмешиваться в дела, к которым вы не имеете никакого отношения! Но на этот раз вы просто перешли все границы допустимого!

— Я отнюдь не шучу, господин Нуаргутт. Убийца действительно покинул Мортфон час назад — он уехал на машине "Скорой помощи".

— "Скорой помощи"? — упавшим голосом переспросил мэ́р. — Вы говорите серьезно?

— Более чем.

— Не понимаю... Вы знаете убийцу?

— Понял, кто он, сегодня после обеда.

— И... и... И ничего никому не сказали? Вместо того, чтобы прийти ко мне, предъявить все доказательства, чтобы я разобрался, посоветовал, вмешался, наконец, вы позволяете убийце скрыться? Вы отдаете себе отчет, что вас могут обвинить в сообщничестве или пособничестве?

— Я уже не раз говорил вам, господин мэ́р, что я не полицейский. А арест преступника — дело полицейских.

— Которое они и сделали как нельзя лучше, — холодно проговорил инспектор. Теперь по толпе прокатилась дрожь. Воцарилась мертвая тишина, и в этой тишине голос полицейского прогремел громом.

— Вперед, граждане! — рявкнул он, адресуясь к кому-то в машине. — Выходите, я вам приказываю!

В темной глубине автомобиля что-то зашевелилось, и появился... доктор Рикоме в наручниках. Он безразлично взглянул на толпу, и та, вне себя от изумления, пятилась.

— Вот вам ваш преступник, господин мэ́р, — продолжал полицейский. — Мы действительно встретились по пути с машиной "Скорой помощи", как сказал этот господин. И машина эта ехала с черт знает с какой скоростью... Потом мы нашли в придорожной канаве ее водителя с окровавленным лицом. Он объяснил нам, что доктор вдруг выскочил из-под кушетки, пригрозил пистолетом, потом шарахнул его по голове и выкинул из машины. Мы развернулись и пустились в погоню за "Скорой помощью", ну, и нагнали. Правда, пришлось обменяться несколькими пулями, прежде чем удалось взять мерзавца. И вот он перед вами. Как это вам нравится, господин мэ́р?

Теперь уже никто из горожан не смеялся, все восхищенно перешептывались. Полицейские были мгновенно реабилитированы и наслаждались своим триумфом. Один мэ́р казался удрученным.

— Нет, это невозможно... Рикоме?.. Это чудовищно!.. Неужели вы, правда, совершили это ужасное преступление, Рикоме? Почему? Зачем, скажите, Бога ради!..

Чтобы украсть? Но это безумие... Да говорите же, доктор, говорите! Скажите хоть что-нибудь! Защищайтесь!

Доктор Рикоме ответил, и ответ его прозвучал двусмысленно:

— Вы весьма любезны, Нуаргутт, но вам же известна формула правосудия: я не буду ничего говорить без моего адвоката.

Произнес эти странные слова, он отвернулся, и толпа немедленно задалась вопросом: кому он адресовал эту улыбку, что вспыхнула у него на губах? Только маркиз разгадал значение этой улыбки. Он ничего не сказал, вернулся к себе в номер, встал у зеркала и, обращаясь к своему отражению, разразился краткой речью:

— Bravo, маркиз! Теперь, как мне кажется, дело у нас в кармане!

Глава 6. Ответ звезды

Вечером маркиз де Санта-Клаус долго прогуливался по улицам Мортфона. Полицейские уехали, увезли подозреваемого. Назавтра должна была приехать другая машина — за трупом незнакомца, чтобы доставить его в морг города Нанси.

Маркиз наотрез отказался удовлетворить любопытство многочисленных горожан, стремившихся разузнать все подробности насчет кражи и мотивов убийства. Он блуждал по улицам и переулкам, заглядывая в люки подвалов, бросая взгляд в уходящие вдаль длинные коридоры, осматривая фасады домов.

Ужин в замке был простым, но очень вкусным. Августе особенно удалось тушеное мясо, оно получилось на удивление нежным, прямо-таки таяло во рту. Сама обстановка, столь же быстрые, сколь и молчаливые появления и исчезновения служанки, готовой по почти незаметному знаку исполнить любое желание хозяина, благовоспитанность, любезность и изящество барона способствовали тому, чтобы эта трапеза при свечах стала похожей на роскошное пиршество, хотя угощение было довольно скромным.

Когда пришло время сигар и ликеров, маркиз, усевшись перед пылающим камином, вспомнил о Золотой Руке короля Рене.

— Должно быть, она была из червонного золота и искрилась драгоценными камнями, — задумчиво произнес португалец. — Вроде этого полена...

Барон пошевелил полено кочергой.

— Вы найдете ее, если спросите звезду, — спокойно ответил он.

— Как знать? Представляете это феерическое зрелище? В глубине какого-нибудь подвала замурованная в стену Золотая Рука вспыхивает под лучом электрического фонарика...

Барон покачал головой.

— Феерия... — только и протянул он.

— Я совсем не верил в нее, когда приехал в Мортфон, — продолжал маркиз. — Но пробыв здесь две недели, познакомившись с этим волшебным городком, битком набитым игрушками и сказочными персонажами...

— Можно, я поделюсь глупым наблюдением? — внезапно перебил гостя барон. — Мне кажется, когда вы приехали сюда, глаза у вас были темнее...

— Темнее? — растерянно переспросил маркиз. — И что?

— Не правда ли, глупо? И еще мне кажется, что ваш акцент... Ну, словом, не могу избавиться от мысли о том, что в последние дни он стал явственнее...

— Правда? — Маркиз задумался.

Спустя несколько минут хозяин замка искоса взглянул на гостя.

— Если мне будет позволена некоторая нескромность, маркиз...

— Ради Бога, барон, все, что угодно...

— Вам случилось любить?

— Сколько раз!

— Нет, не то! — почти раздраженно бросил барон и уставился на огонь. — Нет, я хотел сказать: случилось ли вам любить... один раз?

— Один раз? Да, — ответил маркиз. — Один раз. Давно. Она была темноволосой и светлокожей. Представляете: темноволосой и светлокожей, барон? Она не была португалкой.

— Настоящая любовь многое меняет в жизни, маркиз, правда?

— Она многое может изменить, да...

Маркиз пристально, даже как-то жадно вглядывался в склонившегося к огню барона. Когда тот поднял голову, глаза их встретились.

— Она меняет очень, очень многое! — почти не шевеля губами, прошептал барон, стряхнул с сигары пепел и поднес к губам бокал, наполненный малиновой настоек. — Меняет почти все!

Маркиз осторожно поставил свой бокал у ножки подставки для дров и мягко произнес:

— В таком случае, верните их мне!

Барон густо покраснел, выражение лица стало почти угрожающим. А маркиз развел руками, и этот жест, казалось, ясно говорил: "Не правда ли, так будет лучше?"

— Хорошо, — после долгих размышлений решил барон.

Он положил ладонь на округленную верхушку одной из подставок, побарабанил по ней пальцами. Раздался легкий щелчок, верхушка откинулась на шарнирах, открылся тайник. Барон достал из него крупный бриллиант и протянул камень маркизу.

— Второй вы найдете в... — Тут голос его дрогнул, и фразы он закончить не смог.

Маркиз де Санта-Клаус кивнул, нажал на верхушку второй подставки для дров и достал из открывшегося тайника второй бриллиант. Потом положил сверкающие камни в кошелек — так, будто это были мелкие монетки.

— Видите ли, барон... — начал он. — Что касается феерии... — Маркиз добродушно усмехнулся. — Какого черта вы смухлевали?

— Смухле... что?

— Ну, сплутовали, если вам так больше нравится... Эта история очень напоминает рождественскую сказку, вот я и решил, что именно в такой сказке мне и следует искать ключи к разгадке. И стал искать деталь, которая не соответствовала бы всем канонам волшебной сказки, выпадала бы из ее логики. Человек не может быть совершенным во всем, потому этот недочет должен был существовать. И я нашел его. Припомните... Потерянная бальная туфелька. Я знаю об этом и от мадемуазель Арно, и от Корнюсса...

— То есть?

— Все очень просто: в сказке Шарля Перро Золушка теряет туфельку после бала, а не до него! Вот в этом-то все и дело. Меня удивило, как все произошло на самом деле. Почему в столь тщательно налаженном механизме рождественской феерии случился такой прокол, почему нарушился ход сказки? Должен сказать, что удивил меня и еще один факт. Почему вы, до тех пор никогда не появлявшийся ни на рождественских банкетах, ни на балах, вы, предпочитающий уединенную жизнь, вдруг отправились к "Святому Николаю" и пригласили Золушку? По меньшей мере, любопытное совпадение. И вот, когда мне удалось разобраться в причинах столь необычного, почти сверхъестественного помутнения мозгов у папаши Кор-

нюсса, мне и пришло в голову, что тот Дед Мороз, который вышел от вас в десять вечера, мог быть совсем не тем Дедом Морозом, который зашел к вам без четверти десять. В таком случае, приглашение Золушки на бал и поиски потерявшейся туфельки приобретает смысл. Действительно, если эта злосчастная туфелька вовсе не потерялась, а была спрятана — вами, барон! — женщины, озабоченные ее поисками, не обратят внимания на ваше краткое отсутствие в доме. Более того. Если бы потребовалось, они бы засвидетельствовали ваше алиби, утверждая, что в момент кражи вы находились в замке. Алиби, возникшее благодаря потерянному башмачку Золушки! Прелестная идея, замечательная! Но если, начав игру с феями, плутуешь, следует ожидать... ну, по крайней мере, взмаха волшебной палочки!

Барон уронил голову на грудь.

— Больше всего меня мучает то, что из-за меня заболел аббат Фюш, что он из-за меня умер...

— Еще бы! Ведь вы так тщательно все подготовили! Анонимное письмо в начале месяца, потом попытка ограбления... Хочу прямо сказать вам, барон, что письмо это я всерьез не принял и что пресловутая попытка ограбления, да еще закончившаяся побегом предполагаемого преступника на ходулях, показалась мне чистым абсурдом. Человек в маске действовал так, будто у него не было ни малейшего намерения красть что-то на самом деле. Какова могла быть цель этого маневра, если не подготовить участников действия к тому, что кража вполне возможна?

24 декабря вам легко было проникнуть под видом папаши Корнюсса в ризницу в то самое время, когда священник достал из сейфа раку. Оставалось совсем чуть-чуть: обратить его внимание на то, что подлинная камни, на ваш взгляд, фальшивые. Как ему было не поверить? Ведь уже три недели он был буквально одержим навязчивой идеей о краже, и вот, получается, ограбление произошло! Бедный старик тотчас же помчался за ювелиром, а вы в это время... Барон, я бы подлил себе немножко малинового ликера!

Надолго воцарилась мертвая тишина, только дрова в камине трещали, поленья рассыпались искрами, и искры эти казались удивительно живыми.

— Чего вы ждете, маркиз? — внезапно спросил барон, и дрогнувший голос выдал, как он нервничает. — Чего же вы ждете? Почему не задаете вопрос, который так и вертится у вас на языке? Ведь вы все время только и думаете о том, что заставило меня, барона де ла Фая, стать вором?

Маркиз ничего не ответил. Барон каминными щипцами поворошил раскаленные угли и продолжил:

— Мне кажется, вы говорите себе: "Барон по уши в долгах!", или "Невезучий барон, которому всегда не хватало денег, устал жить в заточении!", или "Никогда у него не было никакой любви, одни только романчики!", или "Барон возмечтал о свадьбе!"... Так вы думаете? Да? Ну, так вы ошибаетесь! — Он встал, подошел к маленькому круглому столику и взял лежавшую на нем книгу. — Вот что я сейчас читаю... "Жизнеописание суперинтенданта Фуке". Это ни о чем вам не говорит? Нет? А мои архивы? Вы же ознакомились с моими архивами и могли узнать из документов, что бароны де ла Фай были очень, очень богаты. Снова не поняли, к чему я веду?

— Нет, не понял, барон...

— Я сказал: очень, очень богаты... Но не это главное, маркиз! Они умели жить в роскоши. Потому что только обладание ничего еще не значит. Надо уметь расходовать, знать — на что! Имея золото, имея много денег, надо уметь создавать красоту, тем более драгоценную, чем она эфемернее. Красоту платьев, таких воздушных, что их может измять дуновение ветерка. Красоту фонтанов — такую хруп-

кую, что легкий бриз склоняет потоки воды к земле и распыляет их в мелкий дождь. Красоту фейерверков, которые умирают в ночи сразу же после того, как рождаются. Красоту партеров из дивных роз, расцветающих и увядающих в один и тот же день...

А теперь представьте себе жизнь этого мелкопоместного лотарингского дворянчика, вынужденного питаться только супом и тушеным мясом; владельца замка, вся прислуга которого сократилась до одной-единственной старухи; барона, который должен экономить каждый сантим для того, чтобы иметь возможность хоть как-то свести концы с концами... В то время, как его предки... Ну что — теперь вы понимаете, где корни этого безумия: украсть бриллианты, украсть эти драгоценные камни, по-идиотски спрятанные от глаз в церковном сейфе от одного Рождества до другого, да-да, украсть их и, воспользовавшись плодами этой кражи, возродить здесь былую роскошь. Сделать так, чтобы весь этот холм, весь этот замок, как прежде, засиял яркими огнями. Сделать так, чтобы здесь снова появилось все, что в мире считается самым прекрасным: женщины, цветы, музыка, — все, как в добрые старые времена!

— А потом что? — холодно спросил маркиз.

Настроение барона резко упало.

— Потом?

— Да-да, потом. Когда сияние праздника угаснет.

— Ах, ты, Боже мой... Вы так и не поняли? Потом, говорите? — барон устало махнул рукой. — Да какая разница, что потом! — И прибавил шепотом: — Ведь я бы все-таки устроил праздник... Хотя в этом году праздник у меня был... Хрусталь и тонкий фарфор, музыка, танцы... И это дитя напротив, эта девушка, такая нежная, такая чистая... Ну, и теперь...

— Барон, — неожиданно заговорил маркиз де Санта-Клаус. — Барон, теперь-то как раз все в порядке! Камни будут без всяких комментариев возвращены монсеньёру Жибелю. Бриллианты снова займут свое место на раке с мощами Святого Николая. Одним словом, дело будет улажено без лишнего шума. Мне кажется, было бы очень печально, если бы кто-то, кроме нас с вами, узнал о том, что здесь говорилось...

Барон страшно побледнел, губы его задрожали.

— Маркиз! Я не могу... Я...

— Послушайте, а нельзя еще хоть капельку этого чудодейственного напитка?

— Но... — вдруг заволновался барон. — Но как же с властями? Ответственность за кражу...

— Все останется тайной. Если, конечно, доктор Рикоме не возьмет вина на себя.

— Нет, я предпочитаю тайну...

Когда маркиз де Санта-Клаус вышел из замка и стал спускаться с холма, он заметил, что мороз отступил. Стало почти тепло.

Все окна в домах Мортфона были темными. Человек с Мешком спал в постели почтальона. Матушка Мишель спала в постели мадемуазель Тюрнер. Дед с Розгами почивал на перинах сельского полицейского Вирекура. Дед Мороз похрапывал под одеялом фотографа Корнюсса. А Золушка?

Катрин Арно сидела у окна, облокотившись на подоконник, и личико ее было повернуто в сторону замка. Маркизу сразу же вспомнилась фраза барона де ла Фая:

— Она меняет очень, очень многое!..

Он вздохнул. Он вспомнил ту любовь... Ту, которая случилась один раз. И прижал два пальца к губам.

Вот тогда-то воздушный поцелуй маркиза де Санта-Клауса, который, впрочем, с таким же успехом мог бы называться маркизом Карабасом, потому что ни его имя, ни титул не числились в альманахе знаменитостей, — вот тогда-то его воздушный поцелуй и полетел к Золушке, слишком занятой натуральным бароном, чтобы это заметить, в то время как барон-то, барон вполне заслуживал того, чтобы его имя и его титул фигурировали в полицейских сводках!

В отеле "У Святого Николая" свет еще горел. Горничная вязала, мадам Кофф читала газету, папаша Кофф с Аженом демонстрировали силу и ловкость, поднимая стулья на вытянутой руке.

— Ах, господин маркиз! Мы искали вас повсюду! Вам пришла телеграмма! Телеграмма была подписана епископом Нанси.

"Крайне удивлены тем, что доверие не оправдалось. Тчк. Сожалею о скандалах. Тчк. Желаю как можно скорее увидеться с вами. Тчк."

Маркиз насмешливо улыбнулся, подумал: "Да уж, это меньше всего напоминает поздравления с успехом!" И спросил:

— В котором часу уходит первый поезд на Нанси?

— В восемь пятнадцать, господин маркиз. А автобус — в половине восьмого.

— Поеду автобусом. Приготовьте, пожалуйста, счет и не забудьте меня разбудить вовремя.

— Господин маркиз покидает нас так скоро! Какая жалость! — простонала мадам Кофф.

— С вашего позволения, господин маркиз, — приятно улыбаясь, заметил Ажен, — если вы уедете из Мортфона завтра утром, то у вас остается не так уж много времени на то, чтобы найти Золотую Руку!

— Да что вы? Да, действительно! Что ж, придется смириться с неизбежным... Кстати о Золотой Руке, мсье Кофф... Я подумал, что не успею проститься с Каппелем, так, будьте добры, передайте ему от меня вот это. Это единственный в своем роде прибор, помогающий отыскать сокровища. — Он выложил на стойку свой детектор.

На следующее утро маркиза, уже поставившего ногу на ступеньку автобуса, перехватил учитель.

— Как? Не может быть, господин маркиз! Ведь вы же не уезжаете, господин маркиз, не уезжаете, да? Или уезжаете? В самом деле?

— В гостях хорошо, а дома лучше, дорогой мсье Виллар! — загадочно ответил маркиз.

— Ах, как мне жаль, господин маркиз! Как я расстроен, как огорчен! — Не зная, что добавить, учитель минутку подумал, потом спросил не без иронии: — А реликвия? Знаменитая Золотая Рука? Как я понимаю, вы отказались от мысли найти ее!

— Отказался? — воскликнул маркиз. — Вы думаете, я отказался? Ну, так вы плохо меня знаете! — Он похлопал по своему чемодану и таинственно прошептал: — Спроси Пастушью Звезду!.. Ха! Многие люди до меня мечтали спросить ее. Но ведь надо уметь говорить со звездами!.. Я нашел ее, эту Золотую Руку! Я ее откопал! Она там, в моем чемодане!

Учитель разразился гомерическим хохотом.

В это время мимо проходил господин Нуаргутт. Он низко поклонился маркизу, но тот даже не приподнял шляпы.

Судя по выражению лица епископа в тот момент, когда к нему вошел маркиз де Санта-Клаус, от почтенного прелата можно было ожидать чего угодно, только не комплиментов.

— Не хочу сказать ничего такого, что обидело бы вас, мэтр Лепик, — начал священнослужитель, — но не могу скрыть от вас глубочайшего и горестного удивления, вызванного результатами вашей деятельности в Мортфоне в течение двух последних недель. Полученные мною известия совершенно катастрофические. Мы так рассчитывали на то, что вы помешаете украсть бриллианты, а их все-таки украли...

— Прошу вашего разрешения уточнить, — холодно перебил епископа адвокат. — Там была не одна кража, а две. Бриллианты были украдены дважды.

Прелат нахмурил брови. Если гость позволил себе пошутить, то шутка получилась совсем не в его вкусе.

— Хорошо, пусть так, — продолжал он. — Мы еще вернемся к этому. А пока я хочу все-таки выразить вам свое разочарование. Вам было ясно сказано: "Главное — никаких скандалов". А что произошло на самом деле? Скандал за скандалом! Хуже того: совершено преступление!

— С вашего позволения, — еще более холодно перебил его во второй раз адвокат, — я хочу внести новое уточнение: было совершено не одно убийство, а два.

На этот раз епископ вздрогнул. Нет, это уж слишком!

— Мсье! — воскликнул он возмущенно. — Мсье!..

Лепик вытащил из-за кресла, в котором сидел, свой чемодан с наклейками, откинул крышку. В чемодане лежало белье, две-три книжки, блокнот, связка каких-то хитрых, больше похожих на отмычки, ключей, электрический фонарик, два револьвера и несколько завернутых в бумагу неизвестных предметов.

Бывший маркиз развернул один из этих предметов, потом другой... Это оказались крупные драгоценные камни. Лепик выложил оба на стол перед изумленным и растерянным прелатом.

— Вот бриллианты, которые прежде украшали раку с мощами Святого Николая, ваше преосвященство, — объяснил он. — Подлинные. Я получил их из рук того, кто совершил первую кражу. В общем, речь шла о добровольном возврате, и я поклялся сохранить все в тайне.

Епископ протянул руку благословляющим жестом.

— Прошу вас забыть все обвинения, которые я только что предъявил вам. Мы не станем настаивать на том, чтобы вы открыли секрет, который поклялись сохранить. Эти камни были похищены у Церкви, ей они и будут возвращены. Не будем больше говорить об этом.

— Нет, ваше преосвященство, нам придется еще немножко об этом поговорить, потому что я намекал вам на то, что были совершены две кражи, и первая проливает свет на вторую. Первая кража была совершена 24 декабря в половине одиннадцатого вечера. Для того, чтобы совершить ее, вор переоделся Дедом Морозом.

Но не он один охотился за бриллиантами. Вторая кража была совершена немного позже и тоже благодаря переодеванию. Это оказался, — по крайней мере, так мне представляется — в принципе, единственный способ избежать взлома или агрессии. Вскоре после окончания полночной мессы "стражники Святого Николая" увидели, как из ризницы выходит одетый в сутану священник и как он проходит за алтарем. У священника была длинная темная борода. По росту и внешности "стражники" опознали в нем аббата Фюша. Но это был не аббат

Фюш. Он в то время больной лежал в своей постели. Спрятавшись за алтарем, на котором была выставлена рака, человек, переодетый священником, разогнул золотые лапки, которыми были прикреплены фальшивые бриллианты, а ими, позволю себе напомнить, были заменены подлинные за два с половиной часа до того человеком, переодетым Дедом Морозом.

— Какая странная ситуация, мэтр Лепик! — прошептал епископ. — Но у меня возник один вопрос. Я понимаю, как переодетый священником человек мог похитить и заменить один камень — тот, что находился сзади, но тот, что находился на лицевой части раки, обращенной к "стражникам", — как можно было украсть его?

— Очень просто. Повернув к себе раку другой стороной.

— Да, конечно. Но как можно было вращать раку на глазах у охранников? "Стражники Святого Николая" должны были этому помешать!

— По одной простой причине: никто ничего не заметил, ваше преосвященство.

— Нет, никак не могу взять в толк! Вы хотите сказать, что "стражники" спали?

— Ничего подобного, ваше преосвященство! Они глаз не сомкнули всю ночь. Тем не менее, у похитителя была возможность делать все, что угодно, на протяжении, правда, очень недолгого времени.

Епископ открыл рот, но не произнес ни слова. А адвокат продолжил свой рассказ.

— Есть в Мортфоне один учитель, который кажется мне превосходным человеком, вот только иногда его взгляды...

— Вы имеете в виду мсье Виллара? Да, я в курсе дела. На каждый религиозный праздник он отвечает шумным исполнением "Походной песни"...

— Совершенно верно, ваше преосвященство. И второй вор это знал. Он отлично понимал, что гром духовых инструментов на площади неизбежно на мигнутку привлечет внимание "стражников", хотя они давно должны были привыкнуть к музыкальным упражнениям учителя... Вот в эти-то несколько секунд предвиденного и ожидаемого невнимания "стражников" и можно было повернуть раку.

— Поистине макиавеллиева хитрость! — воскликнул прелат. — Ужасающая изобретательность и предусмотрительность!

— Согласен с вами, ваше преосвященство.

— Но преступления, эти два преступления, два убийства, о которых вы говорили...

— Сейчас поговорим о них, — ответил Лепик. — Сначала рассмотрим первое убийство — убийство незнакомца, которого из-за его внешнего вида весь город прозвал "немцем"...

Находясь в темном зале мэрии наедине с трупом, я прогулялся лучом электрического фонарика по его черепу. Волосы незнакомца оказались острижены так коротко, что сквозь них просвечивала белая кожа. Так вот, пристально разглядывая эту почти наголо остриженную голову, я заметил на темени кружок чуть более темного, коричневатого цвета. Сначала мне показалось странным и необъяснимым, как это никто до меня не разглядел его. Но потом я понял, что этот коричневатый кружок настолько мало отличался по цвету от остальной кожи, что мог ускользнуть даже от внимательных наблюдателей. И ясно виден он стал только при определенных обстоятельствах: в полной темноте вокруг и при ярком свете фонарика.

— Тонзура! Это был священник! — задышавшись от волнения, прошептал епископ.

— Да, монсеньёр. Священник. Священник, которого постригли под машинку, чтобы скрыть тонзуру на голове. И этот убитый незнакомец был на самом деле самым известным в городе человеком. Все — от самых маленьких детей до почтенных отцов семейств — знали его. Всякий, кто испуганными глазами вглядывался тогда в черты "немца", знал. Но не мог себе представить, что перед ним лежит тот, кто крестил и венчал весь город, — аббат Жером Фюш!

— Аббат Фюш! Убитый! Задушенный! О! — бормотал потрясенный епископ.

— Понимаете, все это дело — сплошная цепь подмен. Нечто вроде трагического варианта "Комедии ошибок"... И знаете, что самое удивительное? Полицейские арестовали доктора Рикоме. Но он арестован за преступление, которого не совершал!

— Не совершал?!

— Нет, монсеньёр. Рикоме вовсе не был убийцей аббата Фюша. Это его сообщник задушил священника. В час ночи 25 декабря этот сообщник, который к тому времени уже несколько дней скрывался у доктора, надел на себя сутану и пришел в церковь. Он изъяс камни — напомним: фальшивые, потом зашел в ризницу, но там внезапно оказался лицом к лицу с настоящим аббатом Фюшем, вышедшим из своего дома раньше, чем предполагал похититель. Истинный священник сразу понял, что дело неладно, и хотел позвать на помощь. Тогда вор схватил его за горло.

Потом он оттащил свою жертву в сад и сообщил о "несчастном случае" доктору Рикоме, который стоял на часах. Они вдвоем отнесли труп в дом врача.

Что теперь нужно было предпринять убийце? Естественно, надо было бежать! Но каким образом? Пешком? Безумие! В автомобиле? Финансовая ситуация честолюбивого, но чрезвычайно мало зарабатывавшего доктора Рикоме была такой плачевной, что он долгие годы не мог позволить себе эту роскошь: купить автомобиль. Преступники были в отчаянии.

Но тут Рикоме кое-что сообразил. "Главное — выиграть время!" — подумал он. Они постригли машинкой голову убитого священника, сбрили его бороду, раздели, надели на несчастного одежду убийцы и, закончив эту гнусную работу, положили труп у входа в подzemелье — там, где его довольно скоро и нашли. Тогда же они решили, что убийца сыграет в доме аббата Фюша его роль: ризничий страдает сильной близорукостью, подмена не будет обнаружена. Впрочем, они надеялись, что мучиться им так и так долго не придется: они нашли верное средство избавиться от забот. Фальшивый священник симулирует сердечный приступ, доктор вызывает к нему по телефону карету "Скорой помощи", а там уж...

"Скорая помощь"! Вот это была гениальная находка! По крайней мере, доктор Рикоме был уверен, что гениальная. Еще бы: разве придумаешь более верное средство для того, чтобы вор и убийца, у которого земля горела под ногами, мог спокойно покинуть Мортфон?

Но доктор не предусмотрел, да и не мог предусмотреть одного: внезапно началась метель, за ней — ураган. Снег валился с неба чуть ли не ведрами, ветер вырывал с корнями деревья, по дорогам невозможно было проехать. Мортфон оказался заблокированным. Никто туда не смог бы попасть! Ни карета "Скорой помощи". Ни полицейские. Никто. Хотя... Все в этом мире относительно... Одному-то удалось...

— Одному?

— Не имеет значения! Вернемся к нашей истории: итак, бегство стало невозможным...

На рассвете следующего дня мы узнали о том, что господин аббат Фюш только что скончался после очередного сердечного приступа. Почти сразу же были обнаружены заснувшие доктором в потайное отделение молитвенной скамеечки бутылки мирабелевой настойки. Прямо скажем, довольно крепкого напитка. Вот только в тот момент, когда доктор Рикоме застал меня в темном зале мэрии, он понял, что все пропало. Он же не мог не понять, что, прогуливаясь лучом фонарика по лысой голове задущенного незнакомца, я непременно обнаружу тонзуру. А отсюда недалеко до вывода, что псевдо-немец был на самом деле католическим аббатом... Но если он был аббатом, значит, это Фюш, а кто тогда покоится в доме священника и что думать об этом сердечном приступе? Точнее, о болезни, которой страдал кюре и которая якобы свела его в могилу... Если эта болезнь была воображаемой, доктору это было известно: ведь он сам ставил диагноз. В таком случае, что скрывается за этой второй смертью, если не новое преступление? И кто мог совершить это второе убийство, если не доктор Рикоме?

Я отправился в дом священника и внимательно изучил безымянный палец левой руки покойника в сутане. Нижняя фаланга чуть припухла. Это был след от обручального кольца, которое носили много лет...

— Два пункта мне остаются еще не ясными, — сказал епископ. — Эта красная шуба Деда Мороза на плечах аббата Фюша... Зачем ее на него надели?

— Проще некуда! Сразу же после того, как было совершено первое преступление, воры поняли, что их самих обворовали. Что делать? Они рассчитали так: если на трупе загримированного под "немца" аббата обнаружат шубу Деда Мороза, то в сознании общества — и не без оснований — установится связь между этой смертью и кражей бриллиантов. Если полиции удастся установить личность первого вора, она обязательно обвинит его в том, что он действовал вместе с сообщником и убил того, как только дело было сделано. А благодаря этому истинные преступники — Рикоме и его сообщник — окажутся в полной безопасности. Они-то тут ни при чем.

— Весьма справедливое суждение. Мудрость, с которой вы распутали эту гнусную интригу, представляется мне выше всяких похвал.

Лепик скромно поклонился.

— То, что я сейчас сказал, — чуть более смущенно продолжал почтенный прелат, — позволяет мне с большей легкостью задать вам еще один конкретный вопрос. Ваша деятельность оказалась весьма эффективной, но почему — такой запоздалой? Что вы-то сами делали с половины одиннадцатого вечера 24 декабря до часа ночи 25 декабря?

— Спал, ваше преосвященство!

— Вы шутите?

— Ни в малейшей степени. Дело в том, что ризничий Блез Каппель, ничего не зная об истинных причинах моего приезда в Мортфон и принимая меня за человека весьма опасного, немало способствовал тому, чтобы усыпить меня, угодив хорошенько ударом ходули по лбу. Впрочем, он повторил то же самое и на следующий день. Должен признаться, это самый странный способ использования ходуль из всех мне известных!

Проспер Лепик вышел от епископа. Викарий в приемной неприметным движением протянул ему конверт, адвокат столь же неприметным движением засунул конверт поглубже в карман. И вдруг попросил викария проводить его обратно к прелату.

— Ваше преосвященство, я проявил непростительную рассеянность! Лепик открыл чемодан, вынул оттуда продолговатый сверток и развернул его. Епископ вскрикнул.

— Да, это Золотая Рука короля Рене, которую я забыл отдать вам, ваше преосвященство! Уникальное произведение искусства! И весьма ценное, не правда ли? Думаю, стоит не меньше миллиона франков?

— Вы нашли ее... Вам это удалось... Значит, это не сказки, это правда... — лепетал взволнованный до потери дыхания прелат. — Но где же она была спрятана?

— На улице Атр, в Мортфоне.

— Но как вам пришло в голову там ее искать?

— Просто последовал совету ризничего времен Революции: "Спроси Пастушью Звезду..." Господи, каким же странным показался мне сначала ответ звезды! Звезда сказала мне: "Жил некогда один славный малый, он был ризничим, но не знал в совершенстве даже своего родного языка..." Смехотворно!

Почтенный прелат в недоумении смотрел на маркиза.

— Я начал что-то понимать в тот день, когда рылся в архивах барона де ла Фая. Там я нашел очень-очень древний план города Мортфона. План, где названия улиц были написаны на старофранцузском. Мой взгляд упал на улицу Астр... И это меня удивило: к тому времени я уже знал, что улицы с таким названием в городке нет. Но, немножко подумав, сообразил, что пишется-то "Астр", а говорится-то "Атр", потому что в старофранцузском перед "т" почти всегда писали "с"... Помните композитора времен Великой Революции Шарля-Симона Кателя? Так вот, его фамилия в ту эпоху тоже писалась как "Кастель"... Тут все стало ясно: когда-то сменили табличку, и в соответствии с правилами современного языка название улицы стало одинаковым и при письме, и в устной речи. Астр... Астра... "Звезда" — вы-то ведь знаете латынь? Следовательно, "спроси звезду" надо перевести как "ищи на улице Атр"... Я чувствовал, что попал на след. Но — почему Пастушью? При чем тут Венера, ведь это ее называют Пастушьей звездой? Или дело просто в пастухе? Но кто этот пастух и какое отношение он имеет к улице Атр? Пастуха явно не хватало, и я никак не мог найти его. Даже пытался искать в окрестных стадах... Ничего похожего! Ничего — до тех пор, пока я не стал дом за домом внимательно осматривать улицу Атр. Там я обратил внимание на полуразрушенное строение. Расспросил прохожих... это оказалась старинная овчарня. На этот раз я попал в точку. Как правило, овец без пастухов не бывает. Значит, надо искать здесь. Ведь в колдовской книге было ясно написано и про звезду, и про пастуха... Остальное уже было просто на уровне детской игры!

Каким бы хладнокровным и бесстрастным ни был епископ Жибель, тут присутствие духа его покинуло. Сообщение о двух кражах и двух убийствах там, где он предполагал всего одну кражу и одно убийство, не смогло выбить его из седла. Зато явление фантастической Золотой Руки с россыпью сверкающих драгоценных камней его совершенно ослепило. Мысли в голове прелата стали путаться, глаза заволочило туманом неслыханной густоты, сквозь который он различал сияние древней реликвии, похожее на сияние сказочной звезды, и только за этим сиянием — как во сне — он с трудом различал черты человека с черными волосами и желтыми глазами ночной птицы, человека, склонившегося перед ним в глубоком поклоне. А человек поцеловал епископский перстень и исчез...

На Станиславской площади Проспер Лепик открыл конверт, переданный ему викарием. Там, в конверте, лежал чек банка "Лионский Кредит" на десять тысяч франков. Адвокат с весьма беспечным видом направился к банку, где его поджидал незнакомый священник.

— Меня послал монсеньёр Жибель. В чеке, который он передал вам, не все в порядке. Ошибочка вышла.

— Вы меня удивляете! Я не заметил никакой ошибочки!

Священник улыбнулся и покачал головой.

— Есть, есть там ошибочка... Его преосвященство просит вас принять взамен того вот этот чек.

Во втором чеке была обозначена совершенно другая сумма: сто тысяч франков.

— Отлично, — просто сказал Проспер Лепик.

Все это произошло два года назад.

Доктор Рикоме, благодаря красноречию мэтра Проспера Лепика, сохранил голову на плечах. Сейчас он лечит больных в Сен-Лоран-дю-Марони, искупая трудом праведным свою вину и раскаиваясь в непомерных амбициях. На суде было установлено, что сообщником доктора был его родной брат.

Украденные и возвращенные бароном бриллианты снова заняли свои места на раке с мощами Святого Николая. Их с огромной радостью и гордостью вставил в золотые лапки не кто иной, как ювелир Макс Тюрнер. Но в сейфе мортфонской ризницы хранится теперь еще одна бесценная реликвия: знаменитая Золотая Рука короля Рене. Монсеньёр Жибель пожелал, чтобы она находилась в том самом городке, где пролежала больше ста пятидесяти лет спрятанной в тиши подвала до того момента, как была обнаружена при обстоятельствах, о которых мы вам уже рассказали. И теперь весь город охраняет свое чудо.

Чтобы увидеть Руку, следует обратиться к мяснику Матиасу Ажену, который нынче помогает ризничему Блезу Каппелю, почти совсем потерявшему зрение, исполнять его обязанности.

В ризнице установили новый сейф с современной сигнализацией. За то, чтобы посмотреть на Золотую Руку, надо заплатить один франк. Зато совершенно бесплатно можно увидеть на улице Атр углубление в стене подвала, где Проспер Лепик обнаружил реликвию.

Гаспар Корнюсс по-прежнему печатает в своей лаборатории фотографии и почтовые открытки и по-прежнему каждый год, вечером 24 декабря, облачается в красную шубу Деда Мороза и обходит город, дом за домом. Но память его все слабеет... Копф с женой по-прежнему содержат гостиницу с рестораном "У Святого Николая". Мсье Виллар окончательно ушел в политику. Господин Нуаргутт подцепил хроническую желтуху, но не желает лечиться, Вирекур потихоньку сообщает всем желающим, что никакая это не желтуха, просто желчь разлилась от всегда дурного настроения.

В замке барона де ла Фая два раза в неделю, по четвергам и воскресеньям, устраиваются замечательные праздники. Детские праздники. Барон приказал изготовить чудесный кукольный театр, и ремесленники Мортфона сами сделали для него всех персонажей. Ребятишки толпами валят в замок.

Молодая мадам де ла Фай, которую местным жителям очень трудно отвыкнуть называть так, как называли много-много лет — Золушкой, после представлений спускается с мальчиками и девочками в сад. И, когда дети наиграются, приходит пора очередной сказки.

Золушка усаживается на траву и начинает:

— В некотором царстве, в некотором государстве жил-был когда-то...

Перевод с французского **Натали ВАСИЛЬКОВОЙ.**